B63
256

5р 5р 29380
В63 256

П. И. ЛЮБЛИНСКІЙ.

ПАМЯТИ

ТРЕХЪ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ

И. Я. Фойницкаго
Д. А. Дриля
Н. Д. Сергѣевскаго.

БИБЛ... М. В. ЛЮБЛИНСКАГО №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская типографія
1914.

605

В63 256

П. И. ЛЮБЛИНСКІЙ.

ПАМЯТИ

ТРЕХЪ РУССКИХЪ КРИМИНАЛИСТОВЪ

И. Я. Фойницкаго
Д. А. Дриля
Н. Д. Сергѣевскаго.

БИБЛІОТЕКА КУРСОВЪ М. В. ПОБѢДИНСКАГО №

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Сенатская типографія
1914.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

724203 V/

ПАМЯТИ И. Я. ФОЙНИЦКАГО

(† 19 сентября 1913 года).

Выдающаяся роль, какую сыграла въ исторіи русской юридической науки почти полувѣковая дѣятельность проф. Ивана Яковлевича Фойницкаго, требуетъ обширнаго изслѣдованія и широкой исторической перспективы. Имя его было неразрывно связано съ прогрессомъ науки уголовнаго права въ Россіи, а творчество его нашло свое выраженіе въ самыхъ разнообразныхъ сторонахъ нашей правовой жизни. Личность и дѣятельность человѣка неразрывно связана съ эпохою, въ которой онъ живетъ, и только измѣнивъ формы жизни, мы начинаемъ самостоятельно оцѣнивать историческое значеніе отдѣльныхъ личностей. Въ настоящее же время мы въ состояніи лишь дать самый общій обзоръ научной и общественной дѣятельности покойнаго, столь богатой и разнообразной.

И. Я. Фойницкій родился недалеко отъ города

Гомеля, Могилевской губерніи, въ бѣдной семьѣ бывшихъ крѣпостныхъ гр. Паскевича. Благодаря отличнымъ способностямъ онъ быстро выдѣлился изъ числа своихъ сверстниковъ и, при поддержкѣ графини Паскевичъ, былъ опредѣленъ въ Могилевскую гимназію, которую и кончилъ въ 1864 г. съ золотою медалью. 1864 годъ, являвшійся зенитомъ великихъ реформъ Александра II, подарившій Россіи Судебные Уставы, призывалъ всѣ свѣжія силы на служеніе обновленному суду. Въ ореолѣ высокихъ началъ уваженія къ личности и возвеличиванія правды рисовалась дѣятельность юриста, а широко раскрывшіяся двери университетовъ призывали людей всѣхъ сословій къ знанію. На юридическомъ факультетѣ читали лекціи Спасовичъ, Чебышевъ-Дмитріевъ, Пахманъ, Рѣдькинъ, Дорнъ, Андріевскій, которые могли много давать и многаго требовать отъ своихъ слушателей. Студентамъ приходилось внимательно прислушиваться къ лекціямъ, ибо не было еще ни учебниковъ, ни записокъ; вмѣстѣ съ профессорами они переживали пору увлеченія новыми началами права и учились творить и мыслить. И Фойницкій сталъ въ ряды той „стаи славной“ русскихъ юристовъ, которые закрѣпили и развили въ жизни эти новыя начала, провозглашенныя 60-ми годами. Будучи на послѣднемъ курсѣ, Фойницкій пишетъ работу по уголовному судопроизводству на тему о мѣрахъ

пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія и суда. Центромъ ея является вопросъ объ огражденіи свободы личности въ судебныхъ уставахъ. Незадолго до того вышедшая монографія проф. А. Ѳ. Кистяковскаго разсматривала этотъ вопросъ въ исторической плоскости. И. Я. Фойницкій обратилъ вниманіе на догматическую и судебно-политическую сторону вопроса. Работа эта, удостоенная факультетомъ золотой медали, не была напечатана. Лишь въ издававшейся тогда Судебной Газетѣ безъ подписи появился принадлежащій перу Фойницкаго переводъ книги Гейнце „Das Recht der Untesuchungshaft", да значительно позднѣе (въ 1883 г.) одна изъ главъ этой работы „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ" вышла отдѣльною брошюрою. Уже на закатѣ своей научной дѣятельности И. Я. Фойницкій задалъ ту же тему для соисканія академическихъ наградъ и въ своей объяснительной лекціи по поводу нея указывалъ, что именно работа надъ этой темой опредѣлила его будущую спеціальность. „Я понялъ—говорилъ онъ—что именно въ области уголовнаго права и процесса лежатъ границы для вторженія государства въ область личной свободы гражданъ, и потому научная разработка этихъ дисциплинъ можетъ болѣе всего обезпечить господство права". Не забуду лично и я той горячей симпатіи, съ какой покойный И. Я. привѣтствовалъ

мою медальную работу на ту же тему и какъ горячо убѣждалъ меня послѣ того посвятить свои силы именно уголовному праву.

Окончивъ университетъ въ 1868 году, Фойницкій принимается за подготовку къ магистерскому экзамену по уголовному праву подъ руководствомъ проф. А. П. Чебышева-Дмитріева. Параллельно съ этимъ онъ начинаетъ преподованіе уголовнаго права въ Авдиторскомъ училищѣ, позднѣе преобразованномъ въ Военно-юридическую академію. Объ энергіи молодого ученаго свидѣтельствуетъ то, что въ теченіе трехъ лѣтъ (1868—1871 г.г.) онъ успѣваетъ не только сдать магистерскій экзаменъ, но также написать и защитить диссертацію на степень магистра. Въ отличіе отъ принятаго тогда типа диссертацій, изслѣдованіе Фойницкаго „Мошенничество по русскому праву“ (1871) представляло обширное двухтомное изслѣдованіе, богатое историческимъ и сравнительно-юридическимъ матеріаломъ и теоретическими построеніями. Оно донынѣ остается классическимъ трудомъ по этому вопросу, и даже въ современной западной литературѣ мы затрудняемся указать столь полное изслѣдованіе на эту тему. Въ этой работѣ молодой криминалистъ не остается однимъ только систематикомъ права; онъ восходитъ до отвлеченныхъ началъ правовѣдѣнія и начинаетъ свою книгу съ полемики съ Іерингомъ о законахъ историческаго

развитія права. Въ самой книгѣ встрѣчаются обширные экскурсы по вопросамъ о причинной связи, о значеніи способа дѣятельности въ составѣ преступленій, о покушеніи и приготовленіи. Около того же времени (въ 1870 г.) появляются двѣ большія статьи, изъ которыхъ одна была посвящена германскому уголовному уложенію, тогда только что появившемуся, а другая—уголовному праву Финляндіи.

Серьезная работа по догматическимъ вопросамъ удержала Фойницкаго отъ безраздѣльнаго увлеченія новыми идеями антропологической школы, тѣсно связанной въ своихъ корняхъ съ моднымъ тогда философскимъ матеріализмомъ. Когда по защитѣ диссертаціи, въ званіи доцента уголовнаго права, онъ командируется заграницу и попадаетъ въ кругъ новыхъ тогда идей, онъ не отдается всецѣло ихъ вліянію, а подвергаетъ ихъ тщательной критической провѣркѣ. Изъ своей годичной командировки заграницу, Фойницкій болѣе полугода пробылъ въ Англіи. Ему удалось побывать и въ другихъ странахъ (Германіи, Франціи, Италіи, Швейцаріи), но ни одна изъ нихъ не наложила такого сильнаго отпечатка на его воззрѣнія и позднѣйшія работы, какъ именно Англія. И дѣйствительно, нашему ученому пришлось быть въ этой странѣ при исключительно счастливыхъ обстоятельствахъ. Два едва ли не наиболѣе громкихъ

дѣла Англіи второй половины XIX вѣка разбирались тогда въ лондонскомъ центральномъ судѣ: дѣло О'Коннора, обвинявшагося въ покушеніи на королеву Викторію, и дѣло Тичборна, обвинявшагося въ незаконномъ присвоеніи чужого имени. Это послѣднее дѣло является донынѣ образцомъ мастерского веденія судебнаго слѣдствія и въ теченіе его наилучшимъ образомъ были демонстрированы положительныя и отрицательныя стороны англійскаго процесса. Фойницкій имѣлъ возможность присутствовать при начальныхъ стадіяхъ развитія этого дѣла. Отсюда проистекаетъ его близкое знакомство съ англійскимъ процессомъ, выдающимся знатокомъ котораго онъ справедливо признавался у насъ. Но еще болѣе благопріятнымъ обстоятельствомъ оказался первый международный пенитенціарный конгрессъ, происходившій лѣтомъ 1872 г. въ Лондонѣ. На этомъ конгрессѣ были заложены принципы современной пенитенціарной науки, подробнѣе лишь развитые на дальнѣйшихъ конгрессахъ. Опытъ различныхъ европейскихъ странъ здѣсь почерпнулъ рядъ новыхъ идей объ исправленіи преступниковъ, о распредѣленіи ихъ на разряды, о неопредѣленныхъ приговорахъ, о тюремномъ режимѣ и т. д., принесенныхъ сюда американскими пенологами во главѣ съ д-ромъ Уайнсомъ. Впечатлѣнія конгресса были дополнены личнымъ осмотромъ ряда англійскихъ и ирланд-

скихъ тюремъ и исправительно-воспитательныхъ заведеній. Печатавшіяся въ Судебномъ Вѣстникѣ „Письма изъ заграницы“ даютъ намъ яркое представленіе о томъ, какъ живо воспринимались авторомъ эти интересныя впечатлѣнія. Въ англійскомъ судѣ молодого наблюдателя поражаютъ патріархальная простота засѣданія, полная состязательность, глубокое чувство обязанности, которымъ проникнуты присяжные, любовь къ фактамъ, непосредственно относящимся къ дѣлу, и терпѣніе въ разслѣдованіи доказательствъ. Въ англійской карательной системѣ вниманіе его останавливаютъ остатки варварства, какъ смертная казнь и тѣлесныя наказанія, ступальная мельница и колесо, заведенныя вмѣсто производительной работы въ тюрьмахъ, бѣдность нравственнаго воздѣйствія на заключенныхъ; но съ другой стороны, онъ одобряетъ принятую систему классификаціи заключенныхъ, индивидуализированіе тюремной дисциплины, патронатъ, систему переходныхъ тюремъ и, въ особенности, организацію ремесленныхъ и исправительныхъ школъ.

Въ письмахъ изъ Англіи больше описаній, чѣмъ оцѣнки, но эти описанія были богатымъ источникомъ для выводовъ автора при послѣдующихъ работахъ.

Пребываніе въ Англіи накладываетъ рѣзкую печать на дальнѣйшія склонности И. Я. Фойниц-

каго. Если до того онъ работалъ по догмѣ уголовнаго права, то по возвращеніи оттуда его вниманіе приковываютъ почти исключительно вопросы пенитенціарной науки и уголовнаго процесса. Къ нимъ присоединяются только время отъ времени экскурсы въ область уголовной статистики, которая включала въ то время въ себя и уголовную этіологію. Послѣднее объясняется участіемъ его съ 1873 по 1876 г. въ работахъ министерства юстиціи по упорядоченію изданія нашей уголовной статистики.

Находясь еще заграницей, И. Я. Фойницкій печатаетъ въ Судебномъ Вѣстникѣ большую статью „Проектъ основныхъ положеній тюремнаго преобразованія въ Россіи“, предисловіемъ къ которой избираетъ слова извѣстнаго тюремнаго дѣятеля Моро-Кристофа: „Если вы хотите поднять нравственный уровень общества, обезпечьте сначала его благосостояніе. Если вы хотите поднять нравственность индивида, обезпечьте ему сначала работу и хлѣбъ, и тогда онъ будетъ легко воспринимать духовную пищу“. Въ этой статьѣ авторомъ подробно разсматриваются положенія, выставленныя графомъ В. А. Соллогубомъ, однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ руководителей нашего тюремнаго вѣдомства. Принимая выставленныя Соллогубомъ руководящія начала „справедливости“ и „общественнаго блага“ въ организаціи тюремнаго режима,

авторъ послѣдовательно выясняетъ отступленія отъ нихъ. Изъ этой крайне интересной для обрисовки воззрѣній молодого автора статьи я позволю себѣ привести только заключительныя слова, которыя, на нашъ взглядъ, должны остаться руководящими и для современной уголовной политики; „Тюремный вопросъ въ его изолированномъ видѣ не имѣетъ никакого смысла. Этотъ смыслъ и жизненное содержаніе даютъ ему лишь внесеніе его въ систему другихъ общественныхъ мѣръ, направленныхъ противъ условій преступности. Слова тюремная реформа должны быть написаны мелкими буквами внизу знамени, на которомъ крупнымъ шрифтомъ отмѣченъ принципъ общественнаго благосостоянія путемъ образованности и свободы".

Послѣ возвращенія на родину И. Я. объявляетъ въ Петербургскомъ университетѣ первый не только въ Россіи, но и заграницей, спеціальный курсъ по тюрьмовѣдѣнію для всѣхъ студентовъ юридическаго факультета. Курсъ этотъ, позднѣе переименованный въ ученіе о наказаніи, читался имъ до 1905 года безпрерывно. Результатомъ работы надъ этимъ курсомъ явились сначала отдѣльныя статьи: „Тюремная реформа и тюрьмовѣдѣніе (вступительная лекція, прочтенная 8 января 1874 г.)", „Тюремная статистика на западѣ", „Русская карательная система". Всѣ эти статьи, появившіяся въ 1874 г. въ „Судебномъ Вѣстникѣ" и „Сбор-

никѣ Гос. Знаній", имѣли выдающееся научное и практическое значеніе. Вопросы тюремной реформы, благодаря комиссіи гр. Соллогуба, стояли тогда у насъ на очереди, и полныя цѣнныхъ указаній критическія работы автора, только что ознакомившагося съ постановкой дѣла на Западѣ и съ новыми теченіями пенитенціарной науки, были весьма кстати. Въ серединѣ 70-хъ годовъ появляется и литографированный курсъ лекцій по тюрьмовѣдѣнію, являющійся первоначальнымъ наброскомъ позднѣе вышедшаго курса „Ученіе о наказаніи".

Въ концѣ 70-хъ г.г. вниманіе Фойницкаго направляется въ сторону и другого наказанія, игравшаго тогда у насъ первостепенную роль—ссылки. Благодаря счастливой случайности, какъ пишетъ онъ самъ, ему былъ открытъ доступъ въ Московскій архивъ министерства юстиціи, а также въ архивы государственнаго совѣта и сибирскаго комитета, доставившіе нашему ученому крайне интересныя данныя. На основаніи ихъ въ 1879 г. создается статья „Наша сибирская ссылка", а въ слѣдующемъ году появляется посвященная предсѣдателю комиссіи по пересмотру карательной системы К. К. Гроту работа „Управленіе ссылки". Но, повидимому, русскіе матеріалы о ссылкѣ не дали возможности нарисовать полную картину эволюціи ссылки, и чтобы доказать законъ историческаго вымиранія этого наказанія, И. Я. Фойницкій обращается къ За-

паду. Результатомъ тщательнаго изученія французскихъ и англійскихъ матеріаловъ является изслѣдованіе „Ссылка на Западѣ“ (1881 г.), представленное на степень доктора уголовнаго права. Авторъ смотрѣлъ на эту работу какъ на предварительное изслѣдованіе вопроса о русской ссылкѣ, о чемъ прямо заявляетъ въ предисловіи къ книгѣ. Но, несомнѣнно, она имѣла и большую самостоятельную научную цѣнность. Матеріалы, добытые опытомъ французской ссылки, здѣсь впервые подверглись научной разработкѣ; изслѣдованіе англійской ссылки, покоящееся въ основаніи своемъ на работѣ Гольцендорфа, было дополнено данными многихъ англійскихъ изслѣдователей. Но центръ тяжести работы лежалъ въ заключительныхъ обстоятельныхъ выводахъ автора (стр. 304—338), посвященныхъ оцѣнкѣ ссылки съ точки зрѣнія современныхъ задачъ борьбы съ преступностью и колонизаціонной политики. Здѣсь Фойницкій противопоставляетъ идеальный типъ ссылки, увлекающій многихъ пенологовъ, съ практическими трудностями осуществленія его. „Изъ мѣры, близкой къ идеалу наказанія, какою она представляется въ отвлеченномъ понятіи, ссылка превращается при прикосновеніи съ дѣйствительностью въ мѣру, негодную какъ кара, безнравственную какъ способъ колонизаціи, противорѣчащую началамъ исправленія и существу судебной дѣятельности, не дающую

обѣщанной безопасности метрополіи съ полнымъ разрушеніемъ ея въ колоніи, и въ высшей степени дорого стоющую. Реформируя свои мѣста заключенія, ставя болѣе и болѣе прочно благородное дѣло патроната, западъ менѣе и менѣе нуждается въ ссылкѣ и постепенно уничтожаетъ послѣдніе слѣды ея въ своихъ уголовныхъ кодексахъ и въ своей административной практикѣ" (стр. 336). Вмѣсто ссылки авторъ рекомендовалъ послѣдующее по отбытіи заключенія въ тюрьмѣ добровольное переселеніе при помощи государства въ колоніи. Насколько цѣннымъ было изслѣдованіе И. Я. Фойницкаго о западной ссылкѣ, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что оно было въ 1894 г. переведено на французскій языкъ и много способствовало европейской извѣстности нашего автора. Къ сожалѣнію, предположенное изслѣдованіе о русской ссылкѣ не было написано авторомъ, вниманіе котораго съ учрежденіемъ комиссіи по пересмотру уложенія было отвлечено въ другую сторону. Лишь въ курсѣ „Ученіе о наказаніи" мы встрѣчаемъ краткій общій очеркъ исторіи нашей ссылки. Но на практикѣ ему удалось способствовать значительному сокращенію примѣненія ссылки у насъ въ качествѣ члена комиссіи по пересмотру нашего законодательства о ссылкѣ, результатомъ дѣятельности которой явился законъ 3 іюня 1900 г. объ отмѣнѣ ссылки.

Итогомъ всѣхъ работъ по вопросамъ пенитен-

ціарнымъ явился вышедшій въ 1889 г. курсъ „Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ". Работа эта, съ одной стороны, представляетъ теоретическую разработку вопросовъ, относящихся къ общей части уголовнаго права, какъ вопросы о субъектѣ права наказанія, о примѣненіи наказанія (опредѣленіи, замѣнѣ и погашеніи его), о системѣ карательныхъ мѣръ, съ другой, суммируетъ рядъ изслѣдованій автора въ области пенитенціарной науки. Въ составъ этого курса авторъ включилъ и свою теорію борьбы съ преступностью, какъ съ проявленіемъ особыхъ личныхъ свойствъ дѣятеля, своего рода прототипъ теоріи опаснаго состоянія. Я не въ состояніи, конечно, здѣсь дать оцѣнку этого капитальнаго произведенія, явившагося продуктомъ 15-лѣтней работы надъ вопросами наказанія. Укажу только, что она вызвала живой интересъ не только у насъ, гдѣ она была первымъ трудомъ въ этой области, трудомъ, покоящимся на обширныхъ самостоятельныхъ изысканіяхъ въ этой области, но и на Западѣ среди тѣхъ немногихъ ученыхъ, которые были знакомы съ русскимъ языкомъ [1]). Съ момента появленія „Ученія о наказаніи" творчество Фойницкаго въ этой области замираетъ почти совершенно. Статья „О научной разработкѣ исторіи наказанія", посвященная раз-

[1]) См. критическій отзывъ Wesnitsch въ Zeitschrift, List'a B. X. H. 3

бору книги Н. Д. Сергѣевскаго „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка“, и вышедшая вскорѣ послѣ курса, представляетъ, пожалуй, единственную работу въ этой области. И несмотря на то, что курсъ ученія о наказаніи вскорѣ разошелся и возникла настоятельная необходимость въ новомъ изданіи, Фойницкій не имѣлъ уже времени вернуться къ переработкѣ этихъ вопросовъ.

Кромѣ вопросовъ о наказаніи, во время заграничной командировки 1871 г. И. Я. интересовался еще одной темой—законодательствомъ о печати. Онъ имѣлъ въ виду первоначально посвятить докторскую диссертацію этому вопросу, интересовавшему молодого автора, всецѣло тогда проникнутаго идеями либерализма. Онъ привезъ по этому вопросу изъ заграницы громадную литературу и обильныя выписки изъ книгъ. Но тема эта осталась незаконченной. Результатомъ работы надъ этимъ вопросомъ явились лишь двѣ обширныя статьи: „Міровая эволюція законодательства о печати“ (Сборн. Гос. Знаній 1875 г.) и „Общегерманское законодательство о печати“ (Вѣстникъ Европы, 1874 г.). Эволюцію законодательства о печати Фойницкій дѣлилъ на три періода: вотчино-попечительный, полицейскій и правовой. Въ первомъ періодѣ правительство распространяетъ свое безусловное господство надъ извѣстными группами явленій и фактовъ и устраняетъ всякое вмѣшательство чуж-

дыхъ ему элементовъ; правительство считаетъ себя единственнымъ источникомъ и судьею народной нравственности, религіи и образованія. Обширная сфера фактовъ становится запретнымъ плодомъ для печатнаго станка, и контроль надъ публичной мыслью распредѣляется между множествомъ различныхъ государственныхъ учрежденій соотвѣтственно характеру лежащихъ на нихъ правительственныхъ функцій. Иная картина представляется въ періодъ полицейскій. Личныя репрессивныя мѣры выходятъ изъ употребленія; государство начинаетъ больше бороться съ мнѣніями, а не лицами, исключенія остаются лишь для наиболѣе тяжкихъ случаевъ. Для борьбы съ мнѣніями государство прибѣгаетъ къ мѣрамъ внѣшняго предупрежденія, имѣющимъ цѣлью воспрепятствовать напечатанію и обнародованію такихъ произведеній, со стороны которыхъ оно опасается вреда. Частные интересы здѣсь поглощаются соображеніями общественнаго спокойствія и безопасности, и произведенія, имѣющія наибольшій сбытъ, вызываютъ наиболѣе энергичное противодѣйствіе государства. Наконецъ, правовой періодъ кладетъ опредѣленныя границы вмѣшательству государства, проводя различіе между словомъ юридически-отвѣтственнымъ и юридически-безотвѣтственнымъ. Къ области послѣдняго относится всякое слово, которое не можетъ быть причиной правонарушенія въ смыслѣ

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

юридическомъ, а такой характеръ носитъ всякое слово, остающееся въ сферѣ отвлеченныхъ, абстрактныхъ понятій. До тѣхъ поръ, пока слово не выходитъ изъ этой сферы общаго, пока оно не касается конкретно опредѣленнаго отношенія, оно чуждо юридическимъ мѣрамъ и должно стоять внѣ всякаго государственнаго вмѣшательства. Несмотря на нѣкоторую неопредѣленность, разграниченіе это въ общемъ удачно проводило грань между полицейской и правовой регламентаціей печати. Оно должно было быть положено въ основу догматическаго изслѣдованія законодательства о печати. Но на порогѣ этого вопроса работа остановилась и авторъ къ ней больше не возвращался.

Вниманіе его почти цѣликомъ приковывается къ разработкѣ догмы матеріальнаго и процессуальнаго отечественнаго права—области, которая болѣе всего упрочила за нимъ репутацію выдающагося ученаго. Многія обстоятельства способствовали тому, чтобы богатый и разносторонній талантъ И. Я. Фойницкаго направился именно въ эту сферу. Факультетъ съ 1874 г. поручаетъ ему чтеніе курса уголовнаго права, который онъ читаетъ до 1882 г. Съ 1876 г. онъ назначается на должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента, въ каковой должности ему постоянно приходится встрѣчаться съ догматическими вопросами всякаго рода. Наконецъ, привлеченіе его въ 1882 г.

въ составъ редакціонной комиссіи для выработки новаго уголовнаго уложенія окончательно повліяло на ходъ дальнѣйшей научной дѣятельности И. Я. Фойницкаго. Изъ области матеріальнаго права особенно внимательно разрабатываются вопросы объ имущественныхъ преступленіяхъ, лучше всего изученные авторомъ во время работы надъ магистерской диссертаціей о мошенничествѣ. Изъ подъ его пера послѣдовательно выходятъ статьи „Объ укрывательствѣ вещей, добытыхъ преступленіемъ“ (1873) „О преступномъ присвоеніи чужого ввѣреннаго имущества“ (1879 г.) „Объ обманѣ въ договорахъ“ (1880) и, наконецъ, въ 1890 г. появляется въ печатномъ видѣ „Курсъ уголовнаго права. Часть особенная“, посвященный преступленіямъ противъ личности и имущества въ цѣломъ. Работа эта выдержала пять изданій (послѣднее въ 1912 г.) и до сихъ поръ является непревзойденнымъ по полнотѣ и тонкости догматической разработки учебникомъ особенной части. На ряду съ созданіемъ ряда интересныхъ конструкцій для русскаго права, позднѣе усвоенныхъ практикой и отразившихся въ уголовномъ уложеніи 1903 года, она суммируетъ постановленія трехъ главнѣйшихъ западныхъ странъ Англіи, Франціи и Германіи, полна самостоятельныхъ историческихъ экскурсовъ и основана на тщательномъ знакомствѣ съ западной научной литературой. Большинство русскихъ криминалистовъ

училось по этой книгѣ, и она впервые указывала имъ, какъ слѣдуетъ понимать и толковать уголовное право.

Область вопросовъ общей части, эта, казалось бы, наиболѣе благодарная сторона творчества для юриста, обладающаго широкимъ теоретическимъ горизонтомъ, нашла себѣ мало мѣста въ печатныхъ работахъ покойнаго. Въ этой области можно указать лишь нѣсколько блѣдную по содержанію вступительную лекцію въ курсъ уголовнаго права, напечатанную въ 1873 г., статью „Уголовно-правовая доктрина о соучастіи“ (Юрид. Вѣст. 1891 г.) и доклады петербургскому конгрессу—объ отвѣтственности малолѣтнихъ и парижскому пенитенціарному съѣзду о рецидивѣ. Между тѣмъ Фойницкій считался выдающимся теоретикомъ и ему принадлежитъ не мало оригинальныхъ теорій именно въ области общей части. Его теорія личнаго состоянія преступности, какъ основы уголовной отвѣтственности, представлялась интересной попыткой комбинировать старые принципы классической школы съ требованіями позитивныхъ школъ антропологической и соціологической. Его ученіе о соучастіи, впервые возставшее противъ ряда пережитковъ солидарной отвѣтственности въ этой области, оказало замѣтное вліяніе на западную доктрину и законодательство. Послѣ того какъ статья о соучастіи была напечатана въ журналѣ проф. Листа (1892), въ пользу

этой теоріи высказались такіе авторитеты, какъ Лиліенталь, Ламмашъ, Листъ и Цюрхеръ. По вопросу о причинной связи, о свободѣ воли, о вмѣняемости мы находимъ интересныя страницы въ его монографіяхъ и курсахъ. Отсутствіе цѣлостнаго изложенія теоріи общей части можно объяснить лишь той повышенной требовательностью, которую предъявлялъ къ себѣ авторъ. Послѣ смерти И. Я. остались многочисленныя рукописи, посвященныя разработкѣ вопросовъ общей части. Въ этихъ рукописяхъ имѣются почти всѣ отдѣлы; многіе изъ нихъ изложены въ пяти-шести варіантахъ. Всѣ эти рукописи относятся къ 70—80 г.г.; послѣ этого времени авторъ, отойдя отъ преподаванія матеріальнаго права, не имѣлъ ни времени, ни силъ вернуться къ ихъ переработкѣ, хотя изданіе общей части было всегдашнею его цѣлью. При пересмотрѣ этихъ рукописей убѣждаешься, что многое, несмотря на нѣкоторую устарѣлость, несомнѣнно представляетъ научный интересъ и достойно печати даже въ неотдѣланномъ видѣ. Въ нѣкоторой мѣрѣ эти рукописи были использованы авторомъ для популярнаго изложенія исторической эволюціи русскаго уголовнаго права въ изданіи Die Strafgesetzgebung der Gegenwart, появившемся только на нѣмецкомъ языкѣ,

Перехожу къ работамъ, посвященнымъ уголовному процессу. На нихъ лежитъ печать наиболь-

шей зрѣлости и силы таланта покойнаго И. Я. и въ нихъ ярче всего отразились его основныя воззрѣнія. Онѣ впервые у насъ сдѣлали уголовный процессъ изъ прикладной технической науки, какой она была прежде, одной изъ отраслей науки политической, выдвинувъ государственную и правовую роль суда и процесса на первый планъ и придали самой системѣ процесса научныя очертанія. Будущій изслѣдователь науки уголовнаго права въ Россіи несомнѣнно признаетъ работы Фойницкаго поворотнымъ этапомъ въ разработкѣ процессуальнаго права у насъ. Первой работой въ этой области явилась статья „Судебно-уголовные кодексы Германіи“ (Журн. Уг. и Гр. Права, 1877), посвященная недавно вышедшимъ австрійскому (1873 г.) и германскому (1876 г.) уставамъ уголовнаго судопроизводства. Она даетъ историческій и догматическій обзоръ процессуальнаго новаго права. Вскорѣ послѣ этого появляется рядъ статей, посвященныхъ живымъ вопросамъ нашей процессуальной жизни: „Оправдательныя рѣшенія присяжныхъ засѣдателей и мѣры къ ихъ сокращенію“ (1879 г.) „Предварительное слѣдствіе и его реформа“ (1882 г.). „О вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлекаемыхъ“ (1883 г.), „Защита въ уголовномъ процессѣ, какъ служеніе общественное“ (1885 г.) и, наконецъ, первый томъ „Курса Уголовнаго Судопроизводства“, впервые вы-

шедшій въ 1884 г. Второй томъ этого труда появляется въ законченномъ видѣ лишь въ 1897 г. Параллельно съ этими законченными литературными работами И. Я. читаетъ въ Юридическомъ Обществѣ рядъ рефератовъ на процессуальныя темы, неопубликованныхъ, однако, въ видѣ отдѣльныхъ статей (О судебной отвѣтственности должностныхъ лицъ, о территоріальной подсудности суда присяжныхъ, объ апелляціонномъ судѣ и пр.). Во всѣхъ этихъ работахъ, хорошо знакомыхъ русскимъ юристамъ, сквозитъ одна мысль: сдѣлать русскій судъ болѣе могущественнымъ въ укрѣпленіи началъ соціальной правды и огражденіи невинности. Касается ли авторъ вопроса объ обиліи оправдательныхъ рѣшеній присяжныхъ—аргумента, выдвинутаго противъ института присяжныхъ противниками его въ концѣ 70-хъ г.г.,—онъ ищетъ причинъ этого не въ органическихъ порокахъ этого института, а въ окружающихъ его правовыхъ условіяхъ: присяжные оправдываютъ потому, что не видятъ соблюденія гарантій, предоставляемыхъ закономъ подсудимому, именно производства судьею предварительнаго слѣдствія, безпристрастныхъ обвинительныхъ актовъ, потому, что имъ приходится имѣть дѣло съ устарѣлымъ уголовнымъ кодексомъ, потому, наконецъ, что составы присяжныхъ засѣдателей подбираются административною властью. Затрагивается вопросъ о предварительномъ слѣдствіи,

и главнымъ тезисомъ его реформы ставится необходимость предоставленія обвиняемому большихъ процессуальныхъ правъ и расширенія состязательнаго порядка. Идетъ рѣчь о защитѣ, въ виду многочисленныхъ нападокъ на дѣятельность адвокатуры, и авторъ подчеркиваетъ государственную роль защиты, необходимость ея какъ существеннаго условія правосудія и выясняетъ условія, лежащія въ нашемъ законодательствѣ и практикѣ, которыя мѣшаютъ развитію защиты и довѣрію къ защитникамъ. Наконецъ, работа о вознагражденіи невинно къ суду уголовному привлеченныхъ ставитъ на очередь высокое начало посильнаго заглаженія вреда, причиняемаго неправильнымъ привлеченіемъ къ уголовной отвѣтственности, при чемъ введеніе этой мѣры рекомендуется изъ высокихъ государственныхъ и филантропическихъ побужденій. Личность обвиняемаго и уваженіе къ правамъ его—идея, внушенная еще студенческою работою—привлекаетъ всегда автора, и этой идеѣ онъ посвящаетъ свою рѣчь по поводу 35-ти лѣтія Судебныхъ Уставовъ, рѣчь „Идея личности по Судебнымъ Уставамъ“ („Право“ 1899 г.), являющуюся лебединою пѣснью его научнаго творчества. Послѣ нея появляется въ печати лишь небольшая работа „О правосознаніи русскаго суда присяжныхъ“ („Право“ 1901 г.).

О „Курсѣ Уголовнаго Судопроизводства“, пер-

вый томъ котораго вышелъ незадолго передъ смертью автора 4-мъ изданіемъ, а второй появился въ трехъ изданіяхъ (1897, 1899 и 1910 г.), я не предполагаю здѣсь говорить. По своей полнотѣ онъ является настольной энциклопедіей русскаго криминалиста, по благородству принциповъ—высокою школою уваженія къ государственности и къ правамъ личности, по своей литературной разработкѣ—образчикомъ тонкаго юридическаго мышленія. Только старый курсъ французскаго процессуалиста Фостэна Эли можетъ сравниться съ этой работой Фойницкаго по своему научному значенію, но онъ уступаетъ ему въ разносторонности, такъ какъ затрагиваетъ лишь французское право.

Въ своемъ изложеніи научныхъ работъ И. Я. я прошелъ мимо нѣсколькихъ статей, посвященныхъ этіологіи преступности и уголовной политикѣ. Работы эти были написаны между дѣломъ „на досугѣ“, какъ онъ озаглавилъ сборникъ своихъ статей, но въ нихъ оказались многія характерныя особенности криминалистическихъ воззрѣній ихъ автора. Въ одной изъ своихъ рукописей, посвященныхъ опредѣленію содержанія науки уголовнаго права, Фойницкій пишетъ слѣдующее объ уголовной соціологіи: „Уголовная соціологія относится къ уголовному праву какъ политическая экономія къ праву гражданскому. Но уголовная соціологія—отрасль пока еще совершенно неразработанная.

Она не только не успѣла стать самостоятельною научною дисциплиною, но до сихъ поръ не выработались даже ни ея пріемы и предѣлы, ни ея названіе (криминологія, уголовная соціологія уголовная политика и пр.). Между тѣмъ знаніе уголовно-правовыхъ отношеній неполно и неточно безъ знанія ихъ соціологической стороны, и безъ этого матеріала сужденіе о нихъ было бы невозможно. Этимъ объясняется, что уже издавна криминалисты, не ограничиваясь правовымъ матеріаломъ въ тѣсномъ смыслѣ, для построенія своихъ положеній и подкрѣпленій ихъ вносятъ матеріалъ уголовно-политическій, разрабатываютъ его сами и опираются на него. Впервые такой пріемъ дѣлается подъ вліяніемъ школы естественнаго права и благодаря ему судебно-казуистическая (глоссаторская) разработка права замѣняется болѣе широкою, имѣющею не только судью, но и законодателя, трактующую не только de lege lata, но de lege ferenda. Таковъ характеръ и всей современной науки права: она есть соединеніе уголовнаго права въ объективномъ смыслѣ съ уголовной соціологіей, изученіе элементовъ уголовнаго права не съ одной лишь юридической, но также уголовно-политической стороны. Разница съ XVIII вѣкомъ та лишь, что метафизическія построенія смѣняются болѣе и болѣе опытными данными. По мѣрѣ разработки уголовной соціологіи можно ожидать от-

дѣленія ея отъ уголовнаго права въ тѣсномъ смыслѣ и тогда каждая изъ этихъ научныхъ дисциплинъ будетъ предполагать и подкрѣплять другую, и только обѣ въ сложности дадутъ истинную науку уголовнаго права". Дѣйствительно, во всѣхъ работахъ Фойницкаго, начиная съ работы о мошенничествѣ и кончая курсомъ судопроизводства, въ изобиліи разсѣянъ уголовно-политическій и соціологическій матеріалъ. Съ этой точки зрѣнія понятно отнесеніе его къ тому новому теченію, которое установило разумный союзъ между соціологіей и догмой въ лицѣ такъ называемаго соціологическаго направленія. Но на ряду съ общими работами, лишь проникнутыми соціологическимъ элементомъ, у нашего автора есть нѣсколько трудовъ, посвященныхъ уже всецѣло уголовной соціологіи или правильнѣе части ея—этіологіи преступности, генетически стоящей близко къ уголовной статистикѣ. Къ нимъ прежде всего принадлежитъ статья, появившаяся въ 1874 году, „О вліяніи временъ года на распредѣленіе преступленій". Въ этой работѣ, возникшей на почвѣ статистическихъ занятій автора, намѣтились нѣкоторыя положенія большого теоретическаго значенія. Такъ здѣсь впервые въ литературѣ было развито ученіе о трехъ группахъ факторовъ преступности—физическихъ, общественныхъ и индивидуальныхъ. Позднѣе это же ученіе, самостоятельно развитое Э. Ферри, стало

весьма популярнымъ въ Европѣ. Далѣе, увлеченіямъ старой школы статистиковъ, полагавшей, что преступность опредѣляется внѣшними физическими факторами, Фойницкій противополагаетъ иную формулу: „хотя вліянія физической природы въ области преступленій несомнѣнны, однако данныя уголовной статистики ставятъ также внѣ сомнѣнія зависимость человѣческихъ дѣйствій отъ элементовъ индивидуальнаго самоопредѣленія". Поэтому и индивидуальная мѣра борьбы съ преступленіемъ, извѣстная подъ именемъ наказанія, не можетъ быть отрицаема; поэтому же уголовныя теоріи, опирающія право наказанія на элементы индивидуальнаго самоопредѣленія, вѣрны въ своемъ основаніи. Съ ростомъ общества элементъ индивидуальнаго самоопредѣленія вытѣсняется вліяніемъ физическихъ и соціальныхъ факторовъ, поэтому и наказаніе смягчается и сливается болѣе и болѣе съ мѣрами предупрежденія. Въ настоящее время государство должно стремиться къ такому рѣшенію проблемы борьбы съ преступностью, при которомъ на первомъ планѣ будутъ стоять мѣры, направленныя къ развитію народнаго благосостоянія, къ наказанію оно будетъ обращаться какъ къ самой крайней и самой нежелательной въ ряду ихъ мѣрѣ. Мы видимъ, такимъ образомъ, что въ этомъ сочиненіи намѣчается цѣлая уголовно-политическая программа, во многомъ напоминающая

ту, которая позднѣе была провозглашена международнымъ союзомъ уголовнаго права. Двѣ другія статьи, посвященныя этіологіи преступленій, „Факторы преступности“ и „Женщина-преступница“, появились значительно позднѣе въ 1890 г. въ Сѣверномъ Вѣстникѣ. Первая статья носитъ болѣе отвлеченный характеръ и представляетъ собою, собственно говоря, скорѣе теорію индивидуальной отвѣтственности. Въ ней подчеркивается значеніе сознательнаго волевого момента въ учиненіи преступленія на ряду съ соціальными и физическими факторами. Во второй статьѣ, покоящейся уже на разработкѣ обширныхъ статистическихъ матеріаловъ, дается весьма интересная характеристика особенности и формъ женской преступности. Исходя изъ анализа женской психологіи и ея соціальнаго положенія, авторъ постепенно показываетъ, какую роль въ преступности женщинъ играютъ условія семейнаго быта, профессіи, образованія. Имъ изслѣдуется сравнительное распространеніе среди женщинъ преступленій извѣстнаго рода, процента рецидива, вліяніе возраста и физіологическихъ особенностей. Общимъ заключеніемъ автора является признаніе, что женская преступность весьма напоминаетъ юношескую; увлеченіе, порывъ, страстность составляютъ ея характерныя черты.

Заслуги Фойницкаго передъ русской наукой не

исчерпываются только мастерской разработкой различныхъ областей уголовнаго права. Онъ по справедливости можетъ признаваться иниціаторомъ пріобщенія русскихъ криминалистовъ къ общей работѣ культурныхъ странъ Запада. До конца 80-хъ г.г. XIX в. на международныхъ конгрессахъ и собраніяхъ криминалистовъ отъ Россіи выступали лишь оффиціальные представители правительства. Въ лицѣ своихъ чиновниковъ Россія участвовала во всѣхъ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессахъ, начиная съ Лондонскаго 1872 г. Но такое участіе едва ли могло дать иностранцамъ правильное представленіе о научной работѣ страны. Фойницкій явился первымъ представителемъ университетской науки въ Россіи, пріобрѣвшимъ европейскую извѣстность и организовавшимъ научное взаимодѣйствіе русской уголовной науки съ Западомъ. Европейской извѣстности его много способствовали иностранные переводы его трудовъ о ссылкѣ, объ уголовномъ законодательствѣ Россіи, о соучастіи, о проектѣ уголовнаго уложенія, а также представленные имъ доклады на международныхъ конгрессахъ. Изъ международныхъ пенитенціарныхъ конгрессовъ Фойницкій участвуетъ въ Лондонскомъ (1872), Римскомъ (1885), Петербургскомъ (1890) и Парижскомъ (1895). Особенно дѣятельнымъ было его участіе въ Петербургскомъ конгрессѣ 1890 г. При С.-Петербургскомъ Юри-

дическомъ Обществѣ подъ его предсѣдательствомъ организуется особая пенитенціарная комиссія при участіи ряда выдающихся русскихъ криминалистовъ, которая подготовляетъ къ этому съѣзду серію цѣнныхъ докладовъ по всѣмъ вопросамъ программы. Иностранцы, пріѣхавшіе на этотъ съѣздъ, могли воочію убѣдиться въ томъ, что уголовное право въ Россіи имѣетъ рядъ видныхъ адептовъ. Самъ Фойницкій представляетъ съѣзду нѣсколько докладовъ: о преподаваніи тюрьмовѣдѣнія, о власти, которой должно быть поручено опредѣленіе мѣръ по отношенію къ порочнымъ и преступнымъ дѣтямъ, о мѣрахъ дѣйствительной борьбы съ укрывательствомъ и укрывателями, о различіи режима подслѣдственнаго и карательнаго заключенія, о классификаціи заключенныхъ въ тюрьмахъ. На самомъ съѣздѣ онъ принимаетъ участіе въ преніяхъ почти по всякому вопросу. Парижскому съѣзду 1895 г. онъ представляетъ докладъ о рецидивѣ. Но центръ международной дѣятельности Фойницкаго лежалъ не въ сферѣ пенитенціарныхъ съѣздовъ, всегда сохраняющихъ сильный оффиціальный отпечатокъ и выдвигающихъ вопросы болѣе практическаго, чѣмъ научнаго значенія. Въ своей дѣятельности онъ болѣе тяготѣлъ къ молодому создавшемуся въ 1889 г. Международному Союзу Криминалистовъ. При самомъ образованіи союза проф. Листъ обратился къ Фойницкому, съ ко-

торымъ онъ былъ въ весьма дружественныхъ отношеніяхъ, съ предложеніемъ примкнуть къ Союзу. Идеи Союза, сочетающія воззрѣнія догматической и позитивной школъ въ видѣ ряда программныхъ требованій, нашли живой откликъ въ русскомъ ученомъ, развивавшемъ ихъ въ своихъ работахъ еще до возникновенія Союза. Въ первые годы собранія Союза, представлявшаго тогда кружокъ криминалистовъ-теоретиковъ, были часты и характеризовались прочною связью участниковъ другъ съ другомъ. Фойницкій очень скоро занимаетъ въ ряду участниковъ Союза выдающееся положеніе. Уже на второмъ съѣздѣ въ Бернѣ въ 1890 г. онъ выступаетъ докладчикомъ по вопросу объ отвѣтственности малолѣтнихъ, и въ своемъ докладѣ рѣзко возражаетъ противъ критерія разумѣнія, принятаго тогда въ большинствѣ законодательствъ для опредѣленія отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ. Въ 1895 году онъ выступаетъ съ новымъ докладомъ на съѣздѣ въ Линцѣ на тему „О подготовкѣ криминалистовъ практиковъ“. Здѣсь онъ отстаиваетъ теоретическія основы юридическаго образованія противъ узко-практической его постановки, которую намѣтилъ другой докладчикъ по этому вопросу Гансъ Гроссъ, и мнѣніе его находитъ полную поддержку на конгрессѣ. На томъ же съѣздѣ получаетъ признаніе и взглядъ его на соучастіе, воспринятый докладчикомъ по этому вопросу проф.

Гетцемъ. Но наибольшая активность выпадаетъ на его долю при созывѣ международнаго съѣзда Союза въ Петербургѣ въ 1902 г. Многимъ памятенъ этотъ съѣздъ, привлекшій изъ различныхъ странъ Европы рядъ блестящихъ представителей науки и сильно поднявшій престижъ молодой Русской группы въ составѣ Международнаго Союза. Представитель Русской Группы вводится послѣ этого съѣзда въ составъ центральнаго бюро Союза, а по числу членовъ Русская Группа выдвигается на первое мѣсто. Благодаря дѣятельности Фойницкаго и поддержкѣ министра юстиціи Н. В. Муравьева, удалось прекрасно организовать внѣшнюю сторону съѣзда и придать ему блестящій характеръ, сохранившій надолго память о съѣздѣ среди иностранныхъ гостей. Послѣ Петербургскаго конгресса Фойницкій получаетъ приглашеніе представить докладъ ближайшему конгрессу въ Гамбургѣ „О погашеніи законныхъ послѣдствій рецидива, давностью, дѣятельнымъ раскаяніемъ и хорошимъ поведеніемъ“. Но тревожныя событія въ Россіи отвлекли его. Онъ послалъ лишь краткое резюме своего доклада, но самъ на съѣздъ не пріѣхалъ. Съ этого времени прекратилось его дѣятельное участіе въ международныхъ съѣздахъ, о которомъ сохранились самыя хорошія воспоминанія у его западно-европейскихъ друзей.

Участіе въ международныхъ съѣздахъ показало

русскому ученому, какую громадную роль въ дѣлѣ прогресса законодательства и науки играетъ солидарная дѣятельность юридическихъ силъ страны. И эту идею объединенія юристовъ Фойницкій переноситъ въ Россію. Въ 1874 году онъ участвуетъ въ первомъ и единственномъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, которому представляетъ докладъ „О реформѣ постановленій русскаго законодательства по вопросу о лишеніи правъ“ (Жур. Гражд. и Угол. Права 1874 г.). Въ 1875 году онъ составляетъ проектъ устава С.-Петербургскаго Юридическаго Общества, а въ 1877 г., въ учредительномъ собраніи Общества, избирается первымъ секретаремъ этого общества. Предсѣдателемъ уголовнаго отдѣленія общества былъ избранъ В. Д. Спасовичъ, но въ 1885 г., послѣ отказа послѣдняго, на это мѣсто избирается И. Я. Фойницкій и занимаетъ его съ небольшими перерывами въ теченіе 14 лѣтъ (до 1899 г.). Въ составѣ уголовнаго отдѣленія Фойницкій былъ самымъ активнымъ членомъ, прочитавшимъ въ Обществѣ 15 различныхъ докладовъ и сообщеній по самымъ разнообразнымъ отдѣламъ уголовнаго права. Онъ былъ также безсмѣннымъ предсѣдателемъ Пенитенціарныхъ комиссій, созывавшихся при СПБ. Юридическомъ Обществѣ передъ международными съѣздами петербургскимъ (1890 г.), парижскимъ (1895 г.), и брюссельскимъ (1900 г.). Нѣкоторыя засѣданія юридическаго общества подъ

предсѣдательствомъ И. Я. Фойницкаго, какъ напримѣръ посвященныя спору классическаго и позитивнаго направленій въ уголовномъ правѣ (1890 г.), о судѣ присяжныхъ (1896 г.), объ отмѣнѣ ссылки въ Сибирь (1899 г.), имѣли крупное законодательное и научное значеніе. Съ 1902 года активное участіе его въ дѣятельности общества падаетъ, но все же до самой своей смерти онъ нерѣдко навѣщалъ уголовное отдѣленіе и принималъ участіе въ обсужденіи докладовъ. Юридическое общество избрало И. Я. Фойницкаго почетнымъ своимъ членомъ. Но еще больше активности И. Я. Фойницкій проявилъ въ созданіи Русской группы Союза Криминалистовъ.

Въ эпоху реакціи 90-хъ годовъ русскимъ юристамъ трудно было мечтать объ организаціи, особенно такой, которая стояла бы въ связи съ международной организаціей и при томъ провозглашала бы на своемъ знамени либеральные лозунги въ области карательной дѣятельности государства. Если тѣмъ не менѣе И. Я. Фойницкому удалось преодолѣть эти затрудненія и положить прочное основаніе единственной у насъ всероссійской организаціи юристовъ, то это объясняется его личнымъ авторитетомъ и рядомъ предусмотрительно принятыхъ мѣръ. Идею организаціи группы И. Я. вынесъ съ Линцскаго международнаго съѣзда 1895 г. Статью объ этомъ съѣздѣ въ Журналѣ министер-

ства юстиціи онъ заканчиваетъ слѣдующими словами: „Пожелаемъ же, чтобы Союзъ сталъ болѣе твердою ногою въ намѣченныхъ имъ путяхъ служенія живому дѣлу крупнаго общественнаго интереса и чтобы будущіе съѣзды Союза представляли столь же интереса, какъ и предшествовавшіе. Выражая это желаніе, мы имѣемъ особенно въ виду ближайшій съѣздъ, который члены Союза были бы не прочь созвать въ Россіи, если бы встрѣтили сочувствіе со стороны русскихъ юристовъ и необходимую авторитетную поддержку". Въ идеѣ организаціи съѣзда и необходимой въ качествѣ преддверія къ этому организаціи Русской Группы онъ сумѣлъ заинтересовать тогдашняго министра юстиціи Н. В. Муравьева, который вмѣстѣ съ нѣсколькими видными чиновниками министерства юстиціи и рядомъ профессоровъ университетовъ и академій записался въ члены-учредители. При столь авторитетной поддержкѣ уставъ Группы не встрѣтилъ препятствій со стороны министра народнаго просвѣщенія гр. И. Д. Делянова, который на первомъ же собраніи самъ вступилъ въ число ея членовъ. Группа была организована при С.-Петербургскомъ Юридическомъ Обществѣ, которое, въ свою очередь, состояло при С.-Петербургскомъ Университетѣ. Такимъ образомъ Группа оказалась въ родствѣ съ двумя авторитетными организаціями, которыя могли въ случаѣ нужды и защитить и

пріютить ее. Нечего и говорить, что первымъ предсѣдателемъ Группы былъ избранъ И. Я. Фойницкій. Своей неутомимой энергіей онъ привлекалъ новыхъ членовъ, организовалъ съѣзды, вырабатывалъ вопросы для обсужденія, отыскивалъ докладчиковъ. Онъ олицетворялъ собою активное ядро Группы и направлялъ ея дѣятельность въ согласіи съ требованіями русскаго законодательства и научными теченіями западной науки. Исторія Русской Группы за первые годы ея существованія настолько тѣсно связана съ личностью Фойницкаго, что одну невозможно излагать внѣ непосредственной связи съ другой. Въ первые годы Группа сохраняла тѣсную связь съ министерствомъ юстиціи. Первые два съѣзда происходили въ помѣщеніи министерства, и составъ группы пополнялся преимущественно изъ лицъ, занимавшихъ оффиціальное положеніе. Вопросы, которые были поставлены на обсужденіе, носили большею частью законодательно-практическій характеръ въ духѣ идей международнаго союза. Такъ, обсужденію Группы подвергались вопросы объ условномъ осужденіи, объ условномъ досрочномъ освобожденіи, о случайныхъ преступникахъ, о правовой защитѣ дѣтей, о патронатѣ, объ удаленіи дѣтей изъ тюремъ и т. д. Резолюціи Группы пользовались большимъ авторитетомъ въ законодательныхъ учрежденіяхъ. Нѣкоторый поворотъ во внутреннихъ дѣлахъ Группы

начинается послѣ Петербургскаго Международнаго Съѣзда 1902 г. Въ началѣ 1903 года въ составѣ комитета Группы происходитъ тягостный конфликтъ на почвѣ переписки съ центральнымъ комитетомъ Союза относительно вознагражденія Русской Группы за расходы по съѣзду, конфликтъ, повлекшій за собою выходъ изъ комитета двухъ наиболѣ активныхъ его членовъ Д. А. Дриля и В. Д. Набокова. Въ составѣ комитета остались лишь А. В. Витте, проживающій въ Томскѣ, и И. М. Тютрюмовъ, за занятостью и болѣзнью не имѣвшій возможности принимать близкое участіе въ работахъ Комитета. На почвѣ недостаточности состава Комитета начались тренія съ Ревизіонной комиссіей, усиливающіяся всѣ болѣе и болѣе. Приходилось вести дѣло управленія Группой почти одному Фойницкому, при нѣсколько враждебномъ отношеніи окружающихъ. При такихъ условіяхъ естественна была мысль о возможно скоромъ созывѣ съѣзда, который помогъ бы ликвидировать внутренній конфликтъ въ комитетѣ, при чемъ И. Я. Фойницкій твердо рѣшилъ сложить съ себя предсѣдательствованіе Группой. Прошло уже болѣе двухъ лѣтъ со времени послѣдняго съѣзда и среди членовъ настойчиво раздавались голоса о необходимости соблюденія устава группы, требующаго ежегодныхъ съѣздовъ. Въ виду всего этого, несмотря на развивавшееся общественное возбу-

жденіе, въ концѣ 1904 г. Фойницкій рѣшилъ созвать съѣздъ. Мѣстомъ для съѣзда былъ избранъ Кіевъ, и на программу были поставлены вопросы о судейскомъ усмотрѣніи, о юридической помощи населенію, о проектѣ министра юстиціи объ условномъ осужденіи и пр. Тогдашній министръ юстиціи высказалъ мысль о желательности отложить съѣздъ, но И. Я. Фойницкій неосторожно взялъ всю отвѣтственность за правильное веденіе съѣзда на себя. Онъ слишкомъ положился на свой предсѣдательскій авторитетъ. Быть можетъ не безъ вліянія оказались и соображенія о составѣ Группы. Къ Кіевскому съѣзду Русская Группа почти на половину состояла изъ членовъ министерства юстиціи и представителей судебнаго вѣдомства. Но съ пріѣздомъ въ Кіевъ обстоятельства рѣзко измѣнились. За два засѣданія Комитета въ составъ Группы было принято 165 новыхъ членовъ, которые на съѣздѣ образовали большинство. Это большинство сразу же стало относиться съ недовѣріемъ къ старому Комитету. Предложенный Комитетомъ списокъ бюро съѣзда былъ отвергнутъ, и вмѣсто того были избраны другія лица. Болѣе рѣзкій конфликтъ не замедлилъ проявиться. На второй день съѣзда при обсужденіи вопроса о юридической помощи населенію была предложена широкая политическая резолюція о необходимости введенія у насъ представительнаго строя при

всеобщемъ избирательномъ правѣ и широкихъ гарантіяхъ правъ личности. Имѣя въ виду, что за четыре дня до того въ Кіевѣ былъ закрытъ администраціей съѣздъ педагоговъ за вотированіе однородной резолюціи, Фойницкій предложилъ съѣзду смягчить нѣкоторыя выраженія резолюціи. Когда же иниціаторы этой резолюціи, поддержанные значительнымъ количествомъ членовъ, не согласились на это, то онъ властью председателя закрылъ съѣздъ. Послѣдовавшая за закрытіемъ съѣзда полемика является отраженіемъ взаимнаго раздраженія обѣихъ сторонъ. Съ Кіевскаго съѣзда Русская Группа опредѣленно примкнула къ либеральнымъ лозунгамъ русской общественности, и этотъ поворотъ сказался на дальнѣйшей ея дѣятельности. Печальный фактъ закрытія съѣзда нашелъ рѣзкое осужденіе въ созванномъ въ Апрѣлѣ 1905 г. административномъ засѣданіи, и это осужденіе наложило на нѣсколько лѣтъ печать отчужденія на отношенія Группы къ ея учредителю. Самъ Фойницкій отдалился отъ Группы, но не переставалъ любить свое дѣтище. Въ своемъ письмѣ, опубликованномъ при отказѣ отъ обязанностей председателя Группы, онъ пишетъ: „Учреждая Группу, я засталъ ее въ составѣ 21 лица, считая и меня. Нынѣ составъ ея превысилъ 520 членовъ, и она располагаетъ капиталомъ около 9.000 рублей. Отъ души желаю группѣ преуспѣванія въ будущемъ,

въ твердой увѣренности, что у нея имѣются необходимыя для того данныя и что она можетъ быть полезна Россіи". Онъ оставался членомъ Группы до самой своей смерти, интересовался ея работами, а на послѣднемъ съѣздѣ и самъ появился среди членовъ Группы. Самъ Фойницкій былъ твердо увѣренъ, что фактомъ закрытія съѣзда онъ „выполнилъ долгъ, лежащій передъ Группой по чести и совѣсти", предотвративъ вмѣшательство администраціи съ могущими послѣдовать печальными послѣдствіями для Группы. Исключительность переживавшагося тогда Россіей момента давала фактамъ и явленіямъ другія перспективы, чѣмъ въ обычное время, сообщала чувствамъ и настроеніямъ иныя оцѣнки, чѣмъ тѣ, которыя въ спокойное время устанавливаются общественнымъ умозрѣніемъ. И если Фойницкій не поднялся до переживавшагося тогда политическаго момента, то это объяснялось не только его годами, но и сознаніемъ тяжелой принятой на себя отвѣтственности. Жертва, требовавшаяся отъ него, была слишкомъ дорога Фойницкому, создавшему Группу медленнымъ и долгимъ трудомъ.

Съ уходомъ отъ должности предсѣдателя Группы Криминалистовъ дѣятельность И. Я. Фойницкаго сосредоточивается вокругъ недавно организованнаго при его дѣятельномъ участіи С.-Петербургскаго Общества Патроната. Идея патроната тогда

у насъ только начинала прививаться. Кое-гдѣ существовали общества помощи освобождаемымъ изъ мѣстъ заключенія, но оказываемая ими помощь была случайна и весьма не велика. На второмъ и третьемъ съѣздѣ криминалистовъ вопросъ объ организаціи и методахъ дѣятельности патроната получилъ широкое освѣщеніе. Этотъ богатый опытъ и вносится Фойницкимъ въ дѣло патронированія. Въ качествѣ перваго предсѣдателя общества Патроната, онъ обезпечилъ обществу матеріальную поддержку и прочно поставилъ дѣятельность этого общества. Его иниціативѣ Общество обязано организаціей особой комиссіи по вопросу о введеніи суда для малолѣтнихъ у насъ. Заключенія этой комиссіи, какъ извѣстно, были усвоены практикой, при чемъ не малую роль сыграла здѣсь санкція ихъ со стороны выдающагося авторитета И. Я. Въ качествѣ гласнаго С.-Петербургской Думы, онъ въ засѣданіи ея энергично отстаиваетъ необходимость ассигнованія достаточныхъ средствъ на содержаніе попечителей при камерѣ особаго судьи по дѣламъ о малолѣтнихъ. Лишь въ 1911 г., утомленный обиліемъ работы въ этой должности, онъ покидаетъ должность предсѣдателя, передавъ ее Н. А. Рѣзцову.

Наибольшее количество своихъ силъ И. Я. Фойницкій отдавалъ несомнѣнно родному С.-Петербургскому университету. Его преподаваніе здѣсь

длилось болѣе сорока лѣтъ и не одно поколѣніе русскихъ юристовъ могло гордиться честью быть его учениками. Сначала въ должности доцента, затѣмъ съ 1881 года въ должности экстраординарнаго, ординарнаго и, наконецъ, заслуженнаго профессора, онъ изъ года въ годъ, несмотря на ослабѣвавшее здоровье, велъ преподаваніе уголовнаго права, тюрьмовѣдѣнія и уголовнаго процесса. Его энергіи Петербургскій университетъ обязанъ созданіемъ въ 1892 г. Музея уголовнаго права, въ основу котораго были положены экспонаты выставки, устроенной въ 1890 г. во время тюремнаго международнаго конгресса въ Петербургѣ. Нѣсколько позже имъ же былъ созданъ Кабинетъ уголовнаго права, библіотека котораго нынѣ превышаетъ 10.000 названій по уголовному праву и является едва ли не самымъ богатымъ въ Европѣ собраніемъ книгъ по различнымъ отдѣламъ криминалистики. Около половины всѣхъ книгъ библіотеки Кабинета составилось изъ пожертвованій самого Фойницкаго, завѣщавшаго послѣ смерти Кабинету свою богатую юридическую библіотеку. Въ университетѣ И. Я. состоялъ и въ должности декана Юридическаго факультета и въ должности предсѣдателя дисциплинарнаго суда (съ 1902 г.), и голосъ его въ собраніяхъ факультета и совѣта всегда пользовался особеннымъ вѣсомъ. На нужды же университета онъ завѣщалъ значительную часть

своего состоянія. Онъ умеръ на своемъ преподавательскомъ посту, и въ тотъ часъ, когда онъ отходилъ уже въ вѣчность, его слушатели ждали въ аудиторіи прихода своего стараго профессора. Только въ теченіе очень краткаго времени онъ дѣлилъ свое преподаваніе въ университетѣ съ другими юридическими школами. Такъ, кромѣ аудиторскаго училища, гдѣ онъ преподавалъ въ самомъ началѣ своей ученой карьеры (1868—1871), онъ читалъ курсъ уголовнаго права въ теченіе трехъ лѣтъ (1873—1876) въ Училищѣ Правовѣдѣнія и въ Александровскомъ лицеѣ. Въ послѣднемъ онъ дѣлаетъ въ 1898 г. попытку возобновить чтеніе лекцій по уголовному судопроизводству, но черезъ два года снова покидаетъ Лицей за недостаткомъ времени.

Какъ университетскій преподаватель И. Я. Фойницкій оставилъ о себѣ яркія воспоминанія. Онъ много давалъ слушателямъ, особенно въ первыя 25 лѣтъ своей дѣятельности. Практическія занятія надъ подлинными дѣлами, посѣщенія мѣстъ заключенія, бесѣды со студентами по поводу отдѣльныхъ рефератовъ неизмѣнно входили въ программу курсовъ. Самыя лекціи его были проникнуты всегда логической стройностью и сжатостью мысли. Но многаго онъ и требовалъ отъ студентовъ. Не безъ основанія онъ считался „грозою“ на экзаменахъ. Онъ сознавалъ, что человѣкъ, которому законъ

даетъ возможность распоряжаться не только своими правами, но и правами другихъ, отъ знаній котораго часто зависятъ личныя и имущественныя блага многихъ людей, не долженъ быть диллетантомъ. Онъ не желалъ, чтобы въ обществѣ раздавались нареканія на университетъ, какъ на учрежденіе, выпускающее людей безъ достаточной подготовки. Но все же за суровою требовательностью порою скрывалось и мягкое сердце, и И. Я. часто приходилъ на помощь студентамъ, терявшимся отъ волненія или безсонныхъ ночей. Къ женщинамъ-юристкамъ сначала онъ относился съ нѣкоторымъ скептицизмомъ, но послѣ двухъ—трехъ экзаменаціонныхъ сессій онъ измѣнилъ свое къ нимъ отношеніе и неоднократно публично заявлялъ себя сторонникомъ юридическаго женскаго образованія.

Съ общественною и педагогическою дѣятельностью И. Я. Фойницкій все время совмѣщалъ и серьезную законодательную и служебную работу. Болѣе двадцати лѣтъ онъ работалъ въ составѣ редакціонной комиссіи по составленію проекта уголовнаго уложенія. Его перу принадлежатъ первоначальные проекты отдѣловъ, посвященныхъ имущественнымъ и семейственнымъ преступленіямъ, съ подробными объяснительными записками. Но и на всѣхъ остальныхъ главахъ замѣтно его близкое критическое участіе. По окончаніи работы комис-

сіи, онъ участвовалъ въ качествѣ приглашеннаго члена въ Особомъ Совѣщаніи при Государственномъ Совѣтѣ и Особомъ Присутствіи Государственнаго Совѣта для разсмотрѣнія проекта уголовнаго уложенія, а затѣмъ былъ назначенъ и членомъ комиссіи по введенію въ дѣйствіе уголовнаго уложенія. Въ 1898 г. онъ приглашается министромъ юстиціи въ комиссію по пересмотру устава уголовнаго судопроизводства. Здѣсь ему очень часто приходилось оставаться при особомъ мнѣніи, и это мнѣніе всегда было на сторонѣ началъ, провозглашенныхъ судебными уставами. По окончаніи работъ этой комиссіи въ 1900 г., несмотря на свое участіе въ ней, онъ не поколебался вынести самое рѣшительное осужденіе всѣмъ этимъ работамъ. Въ своемъ „Курсѣ уголовнаго судопроизводства“ (т. I изд. 1902 г. стр. 426) онъ открыто обвиняетъ проектъ „въ рѣшительномъ отрицаніи коренныхъ началъ, положенныхъ составителями уставовъ въ основаніе учрежденія судебныхъ установленій“. Въ 1899 г. онъ участвуетъ въ качествѣ члена законодательной комиссіи по вопросу о пересмотрѣ нашего законодательства о ссылкѣ. Неоднократно и за послѣдніе годы министерство юстиціи запрашивало мнѣніе Фойницкаго по отдѣльнымъ вопросамъ, вносившимся на уваженіе новыхъ законодательныхъ учрежденій.

Служебную дѣятельность Фойницкій началъ въ

1873 г. въ должности завѣдующаго статистическою частью министерства юстиціи. Черезъ три года, будучи еще молодымъ человѣкомъ 29 лѣтъ, онъ назначается на должность товарища оберъ-прокурора уголовнаго кассаціоннаго департамента. Затѣмъ онъ переходитъ на должность члена консультаціи при министерствѣ юстиціи, а въ 1900 г. назначается сенаторомъ уголовнаго кассаціоннаго департамента. Дѣятельность въ Сенатѣ, при ограниченномъ числѣ сенаторовъ, крайне обременяла его работою, и этимъ объясняется то крайнее истощеніе силъ, которое наблюдалось у него за послѣдніе годы. Въ 1911 г., въ виду этого обстоятельства, ему пришлось даже ходатайствовать о переводѣ въ первое общее собраніе Сената, гдѣ работа не была уже такой обременительной.

Мой очеркъ былъ бы неполнымъ, если бы я не посвятилъ хотя бы немногихъ словъ характеристикѣ самой личности И. Я. Лица, знавшіе его даже въ сравнительно молодые годы, помнятъ его не иначе, какъ изможденнымъ, нѣсколько сгорбленнымъ и постоянно кашляющимъ полуинвалидомъ. Этотъ отпечатокъ болѣзненности, по его словамъ, явился результатомъ одного случая, едва не стоившаго ему жизни въ студенческіе годы. Въ бытность студентомъ, онъ обратился за совѣтомъ къ университетскому врачу противъ близорукости. Тогдашній врачъ только недавно прочелъ въ од-

номъ изъ медицинскихъ журналовъ о томъ, что близорукость происходитъ вслѣдствіе слишкомъ обильнаго притока крови къ глазнымъ венамъ. И вотъ на юномъ студентѣ онъ рѣшилъ испробовать новое средство исцѣленія отъ близорукости. Къ обоимъ вискамъ паціента было приставлено по нѣсколько піявокъ. Паціентъ потерялъ сознаніе и лишился нѣсколькихъ стакановъ крови. „Мое здоровье—говоритъ Фойницкій—послѣ этого было навсегда расшатано. Въ теченіе многихъ лѣтъ я каждую весну и осень чувствовалъ какъ піявки у висковъ сосутъ мою кровь, а позднѣе мною овладѣвало въ извѣстные періоды состояніе нервной возбудимости". Эта нервная возбудимость явилась причиной той частой и внезапной раздражительности, которая такъ много мѣшала покойному въ общественной работѣ, и которая заставила даже нѣкоторыхъ изъ его прежнихъ друзей отойти отъ него. „Несчастье моей жизни—говорилъ мнѣ нѣсколько разъ И. Я.—заключается въ томъ, что подлѣ меня нѣтъ постоянно такого друга, который зналъ бы, когда у меня начинается вспышка и который могъ бы сдержать меня во время". На склонѣ лѣтъ Фойницкому пришлось остаться почти въ полномъ одиночествѣ. Ему пришлось испытывать не мало личныхъ огорченій даже въ тѣхъ областяхъ, которымъ онъ отдалъ столько своихъ силъ и таланта. Но не будемъ винить его за то,

я сказалъ бы, патологическое начало, которое часто прорывалось въ его личной жизни и дѣятельности. Онъ самъ всю жизнь боролся съ нимъ, но не былъ въ силахъ одолѣть его окончательно. Будемъ помнить о тѣхъ свѣтлыхъ страницахъ развитія русской юридической мысли, на которыхъ яркими буквами написано его имя, будемъ внимательно изучать его труды, преисполненные преклоненія предъ высокими началами суда, уваженія къ личности и вѣры въ торжество правды, и съ благодарностью будемъ чтить его память—память великаго учителя русскихъ криминалистовъ.

ПАМЯТИ Д. А. ДРИЛЯ.

(† 1 ноября 1910 г.).

3-го ноября, на Волковомъ кладбищѣ похоронили Дмитрія Андреевича Дриля. Еще недавно откликавшееся на различные запросы общественной жизни его „большое сердце"—по характеристикѣ одного изъ говорившихъ на могилѣ—вдругъ перестало биться отъ припадка грудной жабы, и родные застали Д. А. уже безъ признаковъ жизни въ его рабочемъ кабинетѣ.

Русское общество понесло въ лицѣ Д. А. большую утрату. Покойный представлялъ собою беззавѣтнаго труженика, въ теченіе четверти вѣка отдававшаго свои силы и талантъ на борьбу съ соціальными недугами. Со вниманіемъ и сочувствіемъ онъ изучалъ различныя мѣры для излеченія тѣхъ, кто сталъ жертвой порока и преступленія, и пытался рѣзко подчеркнуть въ общественномъ вниманіи важность этой дѣятельности. Есть два типа ученыхъ и общественныхъ дѣяте-

лей. Одни, проникшись запросами текущей жизни, стараются подвести ихъ подъ установившіяся историческія и теоретическія системы традиціонно сложившихся взглядовъ, другіе тревожно ищутъ новыхъ объясненій и новыхъ путей ихъ удовлетворенія; ихъ работа лежитъ не столько въ области обобщеній, сколько въ сферѣ практической борьбы, и ихъ теоретическіе взгляды опредѣляются требованіями этой послѣдней. Д. А. Дриль принадлежалъ къ этому послѣднему типу. Его теоретическіе взгляды были вмѣстѣ съ тѣмъ программой его дѣятельности, и сфера этой послѣдней удивительно гармонировала со всѣмъ его духовнымъ обликомъ.

Д. А. былъ въ московскомъ университетѣ въ началѣ 70-хъ гг., когда господство матеріалистической философіи проявлялось особенно сильно. Въ области уголовнаго права оно сказалось въ появленіи ученія о преступности, какъ о болѣзни общества, въ признаніи конечныхъ причинъ преступленія коренящимися въ физической личности преступника. Выразителемъ этихъ идей явился между прочимъ московскій проф. М. В. Духовской, учитель Д. А. Ко времени окончанія университета выходитъ и знаменитая книга Ломброзо „О преступномъ человѣкѣ“ (первое изданіе ея появилось въ 1876 г.). Эти идеи уклекаютъ молодого Д. А., который быстро сдаетъ экзаменъ на ма-

гистра уголовнаго права. Но, не удовлетворенный одними только догматическими свѣдѣніями, онъ поступаетъ на медицинскій факультетъ. Въ предисловіи ко второму тому своихъ „Малолѣтнихъ преступниковъ“ Д. А. подробно характеризуетъ причины, побудившія его сдѣлать это. „На первыхъ же порахъ моего знакомства съ психіатрической литературой, я невольно былъ пораженъ крайней трудностью, скажу болѣе, невозможностью установленія сколько-нибудь твердой и ясной границы между явленіями такъ называемой человѣческой порочности и развращенности и явленіями тѣхъ тонкихъ душевныхъ разстройствъ, которыя, какъ говорятъ, стоятъ на границѣ душевнаго здоровья и болѣзни и обыкновенно болѣе относятся къ этой послѣдней... Особенно сильныя сомнѣнія возбуждали во мнѣ разнообразныя явленія тонкихъ душевныхъ аномалій, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія и неуравновѣшенности, а также явленія дурного унаслѣдованія въ вырождающихся невропатическихъ семьяхъ“. Эти-то сомнѣнія и толкнули Д. А. къ изученію естественно-медицинскихъ наукъ. Побывавъ на медицинскомъ факультетѣ, онъ получаетъ продолжительную заграничную командировку, которую онъ использовалъ для клиническихъ работъ у французскихъ психіатровъ, а также въ Грацѣ у знаменитаго Крафтъ-Эбинга, сильное вліяніе идей

котораго на свои послѣдующіе взгляды онъ отмѣчаетъ самъ. Параллельно съ этимъ онъ знакомится и съ тюремными учрежденіями и тюремнымъ міромъ Франціи, Бельгіи, Германіи и Швейцаріи. Результаты трехлѣтнихъ (1881—1883) наблюденій въ этой области онъ публикуетъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ (1884 кн. I) подъ заглавіемъ „Тюрьмы Западной Европы“. Въ этой работѣ замѣтно то преимущественное вниманіе, какое обращаетъ авторъ ея на психическое и органическое состояніе заключенныхъ. Онъ констатируетъ фактъ нахожденія среди тюремнаго населенія по крайней мѣрѣ 25% „странныхъ и несовершенныхъ людей“, вникаетъ въ причины органической слабости и озлобленности заключенныхъ и съ чувствомъ удовлетворенія останавливается на опытѣ гуманизаціи тюрьмы, который онъ наблюдалъ въ невшательскомъ пенитенціаріи д-ра Гильома.

Эти занятія и впечатлѣнія опредѣляютъ сразу научное міровоззрѣніе Д. А. Дриля. Онъ примыкаетъ къ молодой уголовно-антропологической школѣ и становится однимъ изъ наиболѣе ревностныхъ адептовъ ея. Въ немъ всегда врачъ преобладалъ надъ криминалистомъ, антропологъ надъ юристомъ. Взглядамъ, выработаннымъ въ молодости, онъ остается вѣрнымъ въ теченіе всей своей жизни, лишь дополняя и углубляя ихъ. Положеніе, что наше научное творчество есть лишь

развитіе идей, глубоко запавшихъ намъ въ юности, ярче всего оправдывается на Д. А. Это замѣтно съ первыхъ шаговъ его литературной дѣятельности и до послѣдней строки, написанной имъ.

Первое литературное выступленіе Д. А. Дриля происходитъ на страницахъ тогда только начавшаго издаваться „Юридическаго Вѣстника", въ 1879 г. Открывая серію статей подъ общимъ заглавіемъ „Хроника уголовнаго суда", нашъ авторъ пишетъ: „Кровавая, полная человѣческихъ страданій исторія преступленій является лучшимъ барометромъ степени здоровья общественной жизни. Сколько совершено преступленій въ извѣстный періодъ времени? Каковы были эти преступленія или болѣзни, разъѣдавшія общество? Въ чемъ крылась ихъ причина? Каковы и при какихъ условіяхъ слагались тѣ роковые мстители за нарушенія правильности общественныхъ отношеній, которыхъ мы называемъ преступниками?—вотъ цѣлый рядъ вопросовъ, отвѣты на которые намъ даетъ исторія преступленія. Но въ какую форму должна облекаться послѣдняя? Такихъ формъ двѣ: форма таблицы криминальной статистики и форма уголовной хроники. Въ статистической таблицѣ фактъ достигаетъ высшаго своего отвлеченія и, становясь только единицею, утрачиваетъ свои индивидуальныя особенности. Уголовная хроника, напротивъ, имѣетъ дѣло сравнительно съ небольшимъ коли-

чествомъ наиболѣе выдающихся фактовъ, имѣвшихъ мѣсто за извѣстный періодъ времени, но зато эти факты не утрачиваютъ въ ней индивидульныхъ особенностей, и передъ нами выступаютъ не отвлеченныя единицы, а живые люди съ особенностями ихъ характеровъ, положеній, страстей и страданій". И вотъ, въ качествѣ уголовнаго хроникера на протяженіи ряда статей [1]). Д. А. анализируетъ органическія и соціальныя причины преступленій. Предъ нами проходятъ процессы ряда убійцъ, дѣянія которыхъ вызваны закономъ наслѣдственности, той порчей крови, которая сказывается въ видѣ раздражительности, ипохондріи, коварства, лживости, заносчивости и т. д. „Помогутъ ли каторжныя работы и другія подобныя имъ мѣры для парализированія вреда, который наносятъ обществу эти вырождающіеся субъекты"? спрашиваетъ авторъ.— „Помогутъ развѣ только тѣмъ, что устранятъ ихъ изъ общества. Но устранятъ ли онѣ возможность

[1]) Первыя статьи появляются анонимно, но впослѣдствіи Д. А. уже подписываетъ ихъ. Его перу принадлежатъ въ этомъ отдѣлѣ хроники Юр. Вѣстн. слѣдующія статьи: „Законъ наслѣдственности" (т. I, 1879, стр. 725 сл.). „Процессъ Качки" (1880, т. IV стр. 175 сл.), „Бѣдность, какъ причина преступленія" (1880, т. IV, стр. 347 сл.), статья безъ заглавія, съ эпиграфомъ: „Сосна да осина, не весела ты родная картина" (1881, т. VI, стр. 96), „Процессъ крестьянъ села Люторичъ" (тамъ же, стр. 336), „Дѣло Лишиной" (1888, кн. 10), „Замѣчательный случай ранней преступности (1888, кн. 11), „Вліяніе развращающаго воспитанія" (дѣло А. Мафо) (1889, № 2), „Какъ иногда развивается преступность" (дѣло Eyrand—Bompard) (1891, № 4, стр. 538 сл.), „Чувственныя влеченія и преступность" (1892 № 5 и 6).

нарожденія массы новыхъ субъектовъ этого рода. И при чемъ строгая кара въ области, которая нуждается вовсе не въ карательныхъ средствахъ". Въ другой статьѣ мастерски рисуется болѣзненная предрасположенность къ преступленію на почвѣ вырожденія Прасковьи Качки, обвинявшейся въ убійствѣ Байрашевскаго, причемъ попутно дѣлается рядъ дѣльныхъ замѣчаній о постановкѣ у насъ психіатрической экспертизы; въ третьей—указывается на экономическое истощеніе какъ на постоянный источникъ преступности; въ четвертой рисуется биржевой азартъ, заброшенность дѣтей; въ пятой—народное невѣжество и голодъ, какъ источники преступленій; въ шестой—развращающее вліяніе тюрьмы и т. д. Во всѣхъ этихъ статьяхъ доминируетъ одна нота: всякое преступленіе возникаетъ на почвѣ вырожденія, которое въ свою очередь питается соціальными пороками, бѣдствіями и дурной наслѣдственностью.

Вскорѣ послѣ этого Д. А. Дриль входитъ въ составъ редакціоннаго комитета журнала „Юридическій Вѣстникъ" и печатаетъ здѣсь рядъ своихъ работъ, помѣщая лишь публицистическія статьи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ" и „Земствѣ" [1]). Такъ,

---

[1]) Въ „Земствѣ" имъ были напечатаны статьи: „Попытки оздоровленія бѣднаго городского населенія въ Европѣ" (1882 № 19) и „Земледѣльческія колоніи для нищихъ и бродягъ въ Бельгіи" (1882, № 25, 26).

въ 1880 г. появляется его статья „Къ вопросу объ органическомъ вырожденіи", содержащая полемику съ г. Козачковымъ относительно описанія симптомовъ дегенеративныхъ состояній и въ частности относительно такъ наз. нравственнаго помѣшательства, впервые констатированнаго Причардомъ. Въ томъ же году онъ помѣщаетъ статью—рецензію „О положеніи врача-эксперта на судѣ", гдѣ, слѣдуя за П. И. Ковалевскимъ, требуетъ обязательности для судей мнѣній, высказанныхъ экспертами-медиками относительно психическихъ болѣзней. Роль психіатра, по его мнѣнію, сводится къ окончательному отвѣту на вопросъ о томъ, существуетъ ли въ данномъ случаѣ болѣзнь и явилось ли данное дѣяніе ея прямымъ слѣдствіемъ; съ вопросами о свободѣ воли, объ умѣньи отличать добро отъ зла, эксперту не приходится имѣть дѣла. Вопросъ о вмѣненіи и его основаніяхъ составляетъ центральный пунктъ и въ двухъ большихъ статьяхъ, посвященныхъ критикѣ тогда только что вышедшаго „Курса русскаго уголовнаго права" Н. С. Таганцева; „Къ ученію о вмѣненіи" (Юр. В. 1879, т. I), и „На что должна быть направлена карательная дѣятельность" (Ю. В. 1880, т. III). Въ нихъ онъ оспариваетъ практичность выставленнаго Таганцевымъ психологическаго критерія вмѣняемости и пытается отвѣтить на вопросъ, что такое преступность. По мнѣнію Д. А., преступ-

ность можетъ быть охарактеризована, какъ несоотвѣтствіе психической структуры индивида съ нормами взаимныхъ человѣческихъ отношеній, охраняемыми уголовнымъ закономъ. Факторы преступленія лежатъ, съ одной стороны, во внѣшней средѣ, а съ другой—въ писихической организаціи. Отсюда вытекаетъ и двойственность общественной дѣятельности, направленной на борьбу съ преступностью: 1) регулированіе внѣшнихъ вліяній или предупредительная дѣятельность, и 2) воспитательно-образовательная дѣятельность, куда входитъ въ качествѣ составной части и дѣятельность карательная. О содержаніи этой послѣдней Д. А. пишетъ въ статьѣ „Новыя вѣянія“ (къ вопросу о наказаніяхъ) (Юр. В. 1880, т. IV), полемизируя съ реакціонными взглядами анонимнаго автора статьи, помѣщенной въ журналѣ „Mental Science“. Возражая противъ рекомендуемаго авторомъ усиленія наказаній во имя нравственнаго обновленія и указывая, что такое обновленіе можетъ быть достигнуто единственно мѣрами соціальнаго предупрежденія, а не строгостью наказаній, онъ все же присоединяется къ мнѣнію автора о необходимости отнять у вырождающихся личностей возможность продолжать себя въ потомствѣ и считаетъ возможнымъ достигнуть этого путемъ распространенія въ обществѣ здравыхъ понятій о вліяніи закона наслѣдственности и дурныхъ браковъ.

Какъ видно изъ этого обзора работъ молодого автора, напечатанныхъ въ 1879 и 1880 гг., основные элементы его міросозерцанія уже выработались прочно. Заграничная командировка 1881—1883 годовъ лишь даетъ имъ болѣе широкое развитіе и обоснованіе. Она вмѣстѣ съ тѣмъ знакомитъ его ближе съ западными представителями науки о человѣкѣ.

Первымъ результатомъ такого ознакомленія является большая статья „Преступный человѣкъ“ (Юр. В. 1882, т. XI), гдѣ авторъ даетъ краткій историческій обзоръ ученія о преступномъ человѣкѣ и затѣмъ излагаетъ статью д-ра Фовилля, посвященную изученію преступника съ анатомической и физіологической точекъ зрѣнія. Параллельно съ этимъ онъ пытается формулировать и свои собственные взгляды на предметъ. Между психической болѣзнью и душевнымъ здоровьемъ, по его мнѣнію, нѣтъ существеннаго различія. Каждый органическій процессъ оставляетъ свой слѣдъ на психической жизни, а чрезъ нихъ и на дѣятельности. Судъ долженъ рѣшить вовсе не то, какое названіе носитъ болѣзненное разстройство, а лишь то, что въ дѣйствіи человѣка должно отнести на долю болѣзни—какое бы названіе она ни носила,—что на долю привычнаго образа мыслей и привычнаго способа дѣйствій, что на долю недостатковъ воспитанія и т. д., словомъ, онъ

долженъ выяснить механизмъ душевной дѣятельности индивида. Преступность возникаетъ обыкновенно на почвѣ болѣзненной порочности и исцѣляется или медицинскимъ лѣченіемъ, или благопріятнымъ измѣненіемъ жизненной обстановки. Эта болѣзненно-порочная порода передается далѣе путемъ унаслѣдованія различныхъ дефектовъ. Наказанія, предназначенныя быть средствомъ для борьбы съ этимъ зломъ, не могутъ и не должны быть организованной системой страданій и лишеній, какой они являются теперь. Такія наказанія, подкашивая органическія силы, могутъ лишь способствовать дальнѣйшей порчѣ и, въ концѣ концовъ, нарощенію числа преступленій. „Мы работаемъ въ настоящее время—пишетъ въ заключеніе авторъ—надъ обширнымъ сочиненіемъ, которое посвятимъ подробному изученію преступленія и преступника, развивающихся на почвѣ органическаго нестроенія и столь же подробному указанію цѣлой органической системы мѣръ, обоснованной на изученіи тюремнаго населенія, съ одной стороны, и законовъ жизни человѣческаго организма, съ другой".

Обѣщанная авторомъ работа, дѣйствительно, скоро появилась въ печати подъ заглавіемъ: „Малолѣтніе преступники" (вып. 1-й Москва, 1884 г., первоначально она была напечатана въ Юр. Вѣстн. за 1883—1884 гг.).

Эпиграфомъ своего сочиненія Д. А. Дриль

избираетъ слова д-ра Wines: „Истинная задача состоитъ не столько въ томъ, чтобы усовершенствовать тюрьмы, сколько въ томъ, чтобы уничтожить ихъ; не въ томъ, чтобы улучшить ихъ, сколько въ томъ, чтобы сдѣлать ихъ безполезными". Въ этомъ сочиненіи мы находимъ подробное изложеніе ученія объ аномаліяхъ психической жизни, о факторахъ преступленія, о задачахъ карательной дѣятельности; въ немъ излагается исторія уголовно-антропологической школы и ея предшественниковъ. О малолѣтнихъ преступникахъ собственно говорится весьма мало. Имъ посвящена вторая часть работы, которая появилась въ 1888 г. подъ тѣмъ-же заглавіемъ: „Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и мѣрахъ борьбы съ ней. Ч. I, Психологія преступности". Эту вторую часть можно назвать физіологіей преступнаго человѣка. Здѣсь собранъ значительный матеріалъ клиническихъ наблюденій и физіологическихъ изслѣдованій по вопросу о преступности дѣтей и взрослыхъ, такъ что работа можетъ быть названа скорѣе медицинскимъ, а не юридическимъ изслѣдованіемъ [1]). Такъ какъ въ этой основной работѣ Д. А. нашли наиболѣе пол-

---

[1]) Къ этой работѣ примыкаетъ и появившееся въ слѣдующемъ 1890 г. изслѣдованіе „Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями (частная психологія преступности)".

ное выраженіе его взгляды, то удобнѣе изложить ее позднѣе, когда мы остановимся на характеристикѣ его научныхъ идей. Здѣсь мы скажемъ лишь нѣсколько словъ о судьбѣ книги.

Представленная въ московскій университетъ въ качествѣ магистерской диссертаціи, она была отвергнута по настоянію проф. Легонина, претендовавшаго на исключительную авторитетность въ этой области, вслѣдствіе своихъ медицинскихъ познаній. Нѣсколько позже Д. А. Дрилю удалось защитить ее въ харьковскомъ университетѣ. Но полученная степень не открыла Д. А. доступа къ лекціямъ. Будучи заподозрѣнъ въ поддержкѣ политическихъ ссыльныхъ, онъ не былъ утвержденъ въ званіи приватъ-доцента, и долженъ былъ, покинувъ университетъ, обратиться къ другой дѣятельности. Онъ занимаетъ мѣсто податнаго инспектора, въ должности котораго близко знакомится съ экономическимъ положеніемъ и условіями жизни низшихъ классовъ, что заставляетъ его въ значительной степени расширить роль соціальныхъ факторовъ преступленія въ своихъ ученіяхъ. Затѣмъ, на нѣкоторое время онъ переходитъ въ адвокатуру. Въ 1895 г., съ присоединеніемъ тюремнаго управленія къ министерству юстиціи, онъ получаетъ назначеніе на мѣсто юрисконсульта, состоящаго при главномъ тюремномъ управленіи, и здѣсь до конца своей жизни стоитъ во главѣ любимаго

своего дѣла — исправительно-воспитательныхъ заведеній.

Только за послѣднее десятилѣтіе Д. А. удается шире поставить свою общественную и преподавательскую дѣятельность. Въ 1897 г. онъ является однимъ изъ учредителей Русской Группы международнаго союза криминалистовъ, избирается членомъ комитета ея, несущимъ обязанности казначея, и занимаетъ эту должность почти безъ перерыва до 1903 г. Въ 1908 г. онъ избирается товарищемъ предсѣдателя уголовнаго отдѣленія с.-петербургскаго юридическаго общества, состоя до того неоднократно членомъ редакціоннаго комитета его. Въ обоихъ учрежденіяхъ Д. А. принималъ весьма дѣятельное участіе. Такъ, въ юридическомъ обществѣ имъ были прочитаны доклады: „Болѣзнь, порокъ, преступленіе“, „О несовершеннолѣтнихъ“, „О системѣ наградъ въ мѣстахъ заключенія“, „Убійства и убійцы“, „Французская ссылка въ Новую Каледонію“, Бродяжество и нищенство“ и др. Въ Русской Группѣ союза криминалистовъ онъ принималъ участіе почти вь каждомъ съѣздѣ, выступая съ подробными рѣчами. Такъ, на первомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1898 г. онъ горячо отстаивалъ условное осужденіе. На второмъ съѣздѣ въ 1900 г. онъ указывалъ на необходимость проведенія систематической классификаціи преступниковъ, при обсужденіи вопроса о преступникахъ

случая;—на условія развитія у насъ патроната и трудовой помощи освобождаемымъ. Этотъ же вопросъ онъ обсуждаетъ и на третьемъ съѣздѣ, рекомендуя учрежденіе обществъ патроната смѣшаннаго офиціально-частнаго характера на подобіе обществъ исправительно-воспитательныхъ заведеній. Здѣсь же онъ проводитъ резолюцію о томъ, чтобы институтъ условнаго досрочнаго освобожденія примѣнялся и къ каторжнымъ. Онъ представляетъ съѣзду докладъ „О принудительномъ воспитаніи несовершеннолѣтнихъ". На четвертомъ петербургскомъ съѣздѣ онъ представляетъ докладъ о роли субъективнаго момента въ преступленіи и принимаетъ участіе въ преніяхъ по вопросу о ссылкѣ. Наконецъ, на шестомъ съѣздѣ въ Москвѣ въ 1909 г. Д. А. выступаетъ съ большою рѣчью по вопросу объ алкоголизмѣ, какъ факторѣ преступленія.

Въ 900-ые годы Д. А. Дриль выступаетъ и въ области борьбы съ различными факторами преступности. Жилищная нужда населенія прежде всего останавливаетъ его вниманіе. „Всѣ, кому приходилось знакомиться съ переполненными жилищами рабочей бѣдноты—пишетъ онъ въ Русскихъ Вѣдомостяхъ (3 окт. 1904 г.)—легко поймутъ, руководствуясь личными впечатлѣніями, что и одни дурныя жилища съ ихъ скученностью населенія нерѣдко могутъ быть вполнѣ достаточны, чтобы

подкашивать здоровье и силы, обычно вызывать мрачно-подавленное и раздражительно-озлобленное настроеніе, образующее основной фонъ всей душевной жизни и дѣятельности, порождать адъ въ семьѣ и губить коренныя основы нравственности". Ссылаясь на свой опыть второй половины 80-хъ годовъ, онъ приводитъ ужасающія данныя о положеніи жилищъ рабочихъ. Въ комиссіи общества охраненія народнаго здравія въ 1902 г., совмѣстно съ другими городскими дѣятелями, онъ дѣятельно агитируетъ въ пользу устройства дешевыхъ и здоровыхъ жилищъ и кладетъ основаніе „Товариществу борьбы съ жилищной нуждой", предсѣдателемъ котораго онъ былъ все время. Онъ основываетъ для этой цѣли „Гаваньскій рабочій городокъ", и въ концѣ 1906 г. присутствуетъ при открытіи построенныхъ зданій. Усиліями Д. А., открывшаго здѣсь отдѣленіе общества народныхъ университетовъ, организовавшаго врачебную помощь и пр., удается сдѣлать этотъ уголокъ Петербурга весьма благоустроеннымъ. Параллельно съ практической дѣятельностью Д. А. помѣщаетъ рядъ статей о мѣрахъ борьбы съ жилищной нуждой въ журналахъ „Трудовая Помощь", „Народное Хозяйство", „Самообразованіе" [1]).

[1]) Въ „Трудовой помощи" напечатаны имъ: „Попытки оздоровленія общества и спасенія погибающихъ" (1899, апрѣль—май), „Мѣры къ оздоровленію общества. Улучшеніе жилищныхъ условій нуждаю-

Другимъ вопросомъ, привлекавшимъ вниманіе Д. А. за послѣдніе годы особенно интенсивно, была борьба съ алкоголизмомъ. Въ октябрѣ 1898 г. онъ выступаетъ въ обществѣ охраненія народнаго здравія въ комиссіи объ алкоголизмѣ съ докладомъ „Нѣкоторыя изъ причинъ массоваго алкоголизма и вопросъ о средствахъ борьбы съ нимъ". „Подъ вліяніемъ алкоголизма—пишетъ онъ въ этомъ докладѣ—падаютъ экономическія силы народа, ослабѣваетъ чувство законности, сохнетъ чувство приличія и уваженія къ окружающимъ и ихъ человѣческимъ правамъ... И все это представляется страшной угрозой не только для настоящаго, но, подъ вліяніемъ закона наслѣдственной передачи физическихъ и душевныхъ качествъ породы, также и для будущаго". Онъ изслѣдуетъ физіологическое дѣйствіе алкоголя, вліяніе на алкоголизмъ формъ и продолжительности труда, условій жизни, ремесленнаго ученичества и въ качествѣ одного изъ рѣшительныхъ средствъ борьбы рекомендуетъ дальнѣйшее развитіе рабочаго законодательства, распространеніе его на всѣ отрасли труда и установленіе въ нихъ строгаго и многосторонняго надзора, а также устраненіе ремесленнаго ученичe-

щихся классовъ населенія". Изъ впечатлѣній заграничной поѣздки (1902, мартъ), „Борьба съ жилищной нуждой" (1905, апрѣль—май). „Одинъ изъ вопросовъ соціальнаго законодательства" (1904), „Одно изъ культурныхъ учрежденій С.-Петербурга—Гаваньскій рабочій городокъ" (1907, январь).

ства [1]). Избранная для этой цѣли подкомиссія подъ предсѣдательствомъ Д. А. вырабатываетъ въ мартѣ 1899 г. цѣлую программу рабочаго законодательства. Около этого времени Дриль помѣщаетъ статью въ Журн. Мин. Юст. „Алкоголизмъ, его слѣдствія и мѣры противъ него“ (1897 г. кн. 5), гдѣ разсматриваетъ вопросъ объ юридической регламенціи пьянства и останавливается на обсужденіи вопроса о немъ въ парижскомъ Société Générale des Prisons. Съ этого времени Д. А. въ самыхъ разнообразныхъ учрежденіяхъ выступаетъ съ борьбой противъ этого „бича цивилизаціи“, какъ онъ называлъ алкоголь. Работа увѣнчивается организаціей и созывомъ перваго всероссійскаго съѣзда по борьбѣ съ пьянствомъ зимою 1909—1910 г. Лѣтомъ 1907 г. Д. А. приходится принять участіе въ XI международномъ антиалкогольномъ конгрессѣ въ Стокгольмѣ (см. Русскія Вѣдомости 25, 27, 31 іюля и 4 авг. 1907 г.), и это внушаетъ мысль объ организаціи съѣздовъ и въ Россіи. Онъ вноситъ предложеніе въ ту же комиссію по вопросу объ алкоголизмѣ при обществѣ охраненія народнаго здравія, которая выдѣляетъ изъ себя организаціонный комитетъ, гдѣ Д. А. является замѣстителемъ предсѣдателя. Д. А. съ нетерпѣніемъ ждалъ появленія трудовъ съѣзда, на которомъ онъ такъ

[1]) См. о положеніи ремесленниковъ его статью „Положеніе ремесленниковъ и ремесленное законодательство“. Юр. Вѣстн. 1891 № 1.

много поработалъ, но свѣженапечатанный томъ ихъ былъ доставленъ ему лишь черезъ нѣсколько часовъ послѣ смерти.

Слѣдуетъ упомянуть также о близкомъ участіи Д. А. въ съѣздахъ общества защиты женщинъ по борьбѣ съ проституціей и всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей благотворительныхъ учрежденій въ 1910 г. [1]).

Намъ остается еще охарактеризовать дѣятельность Д. А. на поприщѣ народнаго просвѣщенія и воспитанія. Доминирующимъ интересомъ въ его жизни постоянно было дѣло воспитанія заброшенныхъ и преступныхъ дѣтей. Въ этой области заслуги Д. А. громадны. Онъ составляетъ проектъ весьма гуманнаго закона 2 іюня 1897 г., въ объяснительной запискѣ къ которому пишетъ: „Было бы наиболѣе цѣлесообразно совершенно отказаться отъ примѣненія къ малолѣтнимъ до 14 лѣтъ всякаго рода карательныхъ мѣръ, установленныхъ въ уложеніи и уставѣ о наказаніяхъ, за исключеніемъ помѣщенія ихъ въ исправительныя заведенія и отдачи подъ надзоръ родителей и благонадежныхъ лицъ". Въ этомъ законѣ уже намѣчаются многія черты того движенія, которое извѣстно подъ именемъ движенія въ пользу особыхъ судовъ для

---

[1]) Онъ участвовалъ близко еще раньше въ работахъ парижскаго конгресса общественнаго призрѣнія и частной благотворительности въ 1900 г., подробный отчетъ о которомъ онъ помѣстилъ въ „Трудовой Помощи" (1900, ноябрь—декабрь).

юношества. Но въ своихъ теоретическихъ взглядахъ Д. А. шелъ еще дальше, рекомендуя полное устраненіе подростковъ до 17 лѣтъ отъ уголовной отвѣтственности (см. его докладъ петербургскому международному тюремному конгрессу въ 1890 г.), съ передачей дѣлъ о нихъ въ особыя опекунскія учрежденія, на подобіе существующихъ въ Норвегіи. О проектѣ организаціи ихъ у насъ Д. А должень былъ представить докладъ ближайшему съѣзду представителей исправительно-воспитательныхъ заведеній. Въ теченіе многихъ лѣтъ онъ имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи наблюденіе за исправительно-воспитательными заведеніями въ Россіи, совершалъ безпрерывныя посѣщенія ихъ и способствовалъ на мѣстахъ возникновенію новыхъ обществъ или развитію старыхъ. Онъ принималъ близкое участіе въ организаціонномъ бюро съѣздовъ представителей этихъ заведеній и каждый разъ выступалъ докладчикомъ по различнымъ вопросамъ, связаннымъ съ защитой дѣтей. Эти же вопросы представляли и излюбленную тему Д. А. для разработки на международныхъ конгрессахъ. Вопросу о принудительномъ воспитаніи дѣтей посвящены Д. А. десятки статей, въ которыхъ онъ отмѣчалъ буквально каждый прогрессивный шагъ въ этой области [1]).

[1]) Изъ другихъ педагогическихъ работъ Д. А. отмѣтимъ: „Вопросы правильной постановки воспитанія“ (рѣчь, произнесенная въ

Въ 1904 г. онъ начинаетъ чтеніе лекцій по педагогіи въ соляномъ городкѣ, въ результатѣ которыхъ появляется книга „Этюды по педагогической психологіи. Вып. I. Роль чувства въ жизни души. Спб. 1907". Въ этихъ этюдахъ затрагиваются вопросы объ явленіяхъ вырожденія въ связи съ воспитаніемъ, о роли наслѣдственности, о колебаніяхъ чувственной личности и т. д.

Въ 1906 г. Д. А. Дриль выступаетъ въ роли иниціатора „Всероссійскаго общества народныхъ университетовъ" и вскорѣ избирается предсѣдателемъ совѣта общества. Ему удается преодолѣть рядъ административныхъ трудностей при началѣ дѣятельности. Но въ мартѣ 1908 г. онъ выходитъ изъ состава совѣта вслѣдствіе внутреннихъ треній. Къ этому времени относится и возникновеніе у него идеи объ учрежденіи „Народнаго политехникума".

Наряду съ громаднымъ напряженіемъ въ области общественной дѣятельности, Д. А. Дриль начинаетъ въ 1907 г. и свою профессорскую дѣя-

---

публичномъ засѣданіи педагогическаго отдѣла) (Труд. Помощь, 1904 октябрь), „Нѣкоторые вопросы воспитанія" (по поводу книги Nicolay „Les enfants mal élévés") (Вѣстникъ Воспитанія), „Психологическіе этюды" (Юр. Вѣстн. 1885, кн. 4, стр. 703), „О значеніи органическихъ условій душевной жизни" (Русская Мысль 1890, кн. 8), „Значеніе совершенствованія воспріятій для правильнаго развитія жизни души" (Вѣстникъ Воспитанія 1894, кн. 5), О примѣненіи принципа индивидуализаціи въ дѣлѣ воспитанія" (Самообразованіе 1902, № 21, 22).

тельность сначала на высшихъ коммерческихъ курсахъ Побѣдинскаго, затѣмъ въ спб. политехникумѣ и, наконецъ, въ психоневрологическомъ институтѣ, гдѣ онъ былъ избранъ деканомъ юридическаго факультета. Читанныя имъ лекціи вышли сначала въ литографированномъ изданіи, а затѣмъ послѣ смерти его и въ печатномъ видѣ, въ изданіи его друзей. Хотя они носятъ названіе „Уголовное право", но на самомъ дѣлѣ онѣ посвящены преимущественно ученію о вырожденіи, о соціальныхъ порокахъ и мѣрахъ борьбы съ ними, объ эволюціи человѣческаго общества и моральнаго прогресса. Какъ профессоръ, Д. А. былъ очень отзывчивъ на запросы учащейся молодежи и пользовался неизмѣнными ея симпатіями.

Но имя Д. А. Дриля пользовалось широкою и заслуженною извѣстностью не только въ Россіи. Онъ былъ весьма популяренъ и среди западныхъ криминалистовъ, съ которыми былъ близко знакомъ, благодаря постоянному участію въ международныхъ конгрессахъ.

Д. А. Дриль рано ощутилъ такую потребность въ общеніи съ представителями западно-европейской науки. Въ 1881 году онъ предпринимаетъ двухлѣтнюю поѣздку по различнымъ государствамъ Запада, работаетъ подъ руководствомъ французскихъ психіатровъ и антропологовъ и въ лабораторіи проф. Крафтъ-Эбинга въ Грацѣ. Подъ влія-

ніемъ этихъ идей, онъ публикуетъ работу „О преступномъ человѣкѣ“, которая обращаетъ на себя вниманіе западной критики. Гарофало въ своей статьѣ „О новой позитивной школѣ въ Россіи“ указываетъ на Д. А. Дриля, какъ на наиболѣе радикальнаго позитивиста въ Россіи. Гретенеръ излагаетъ содержаніе работы Д. А. на страницахъ Zeitschrift für die Strafrechtswissenschaft. Близкое знакомство съ представителями уголовной антропологіи и симпатіи къ этому направленію дѣлаютъ Д. А. постояннымъ участникомъ всѣхъ *конгрессовъ уголовной антропологіи*, начиная съ перваго конгресса въ Антверпенѣ въ 1885 г., когда совмѣстно съ другими онъ вырабатываетъ программу съѣздовъ. Онъ участвуетъ послѣдовательно въ 6 такихъ конгрессахъ и каждый разъ подробно знакомитъ русскихъ читателей съ новѣйшимъ прогрессомъ въ этой области. На самихъ конгрессахъ онъ не остается пассивнымъ. Такъ на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. онъ выступаетъ противъ ученія Ломброзо о преступномъ типѣ и въ пользу условнаго освобожденія; брюссельскому конгрессу 1892 г. онъ представляетъ докладъ „Объ основныхъ принципахъ уголовно-антропологической школы“.

На почвѣ преній относительно тезисовъ этого доклада была высказана идея о возможности примиренія классической и антропологической школъ, которая нашла себѣ дѣятельную поддержку въ лицѣ

докладчика. На томъ же конгрессѣ онъ выступаетъ съ горячею рѣчью противъ признанія существованія неисправимыхъ преступниковъ. Я приведу отрывокъ изъ этой рѣчи, сильно повліявшій на присутствующихъ, отрывокъ, весьма характерный для гуманныхъ взглядовъ Д. А. „Въ нашихъ понятіяхъ о наказаніи есть много завѣщаннаго намъ вѣками далекаго прошлаго, и можно мало надѣяться на его спасительное вліяніе. Страхъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать постоянно. У дурныхъ натуръ легко возникаютъ увлеченія, вытекающія изъ особенности ихъ существа, и наступаютъ моменты забвенія, когда представленія опасности и чувство страха отпадаютъ и не говорятъ въ нихъ, и тогда они все снова и снова впадаютъ въ преступленія. Необходимо, чтобы въ самомъ человѣкѣ существовали внутренніе задерживающіе моменты. Но много ли дѣлается въ направленіи развитія послѣднихъ? Когда совершается преступленіе, общество приходитъ въ безпокойство и считаетъ нужнымъ самозащищаться. Но гдѣ оно было и что дѣлало оно, когда нужно было приспособлять къ жизни въ обществѣ этого уже готовившагося преступника? Наибольшій грѣхъ современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ мало заставляютъ вибрировать въ человѣкѣ хорошія и благородныя чувства, а, напротивъ, возбуждаютъ въ немъ изо дня въ день чувства дурныя. При-

помнимъ хотя бы тѣхъ по истинѣ несчастныхъ, которые шатаются по улицамъ нашихъ большихъ городовъ, ловя всѣ случаи пріобрѣсти себѣ кусокъ хлѣба, и которые встаютъ каждый день утромъ, не зная, какъ и чѣмъ они проживутъ до вечера. Окруженные при этомъ на каждомъ шагу невольно манящею ихъ роскошью и избыткомъ, они, конечно, ничего, кромѣ недобрыхъ чувствъ къ окружающимъ ихъ счастливцамъ, питать не могутъ. Но вотъ кто либо изъ этихъ несчастныхъ падаетъ и совершаетъ преступленіе. Что дѣлаетъ общество тогда? Тогда оно сажаетъ его въ тюрьму. Я видѣлъ тюрьмы въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи. Многія изъ нихъ поистинѣ прекрасны съ внѣшней стороны и даютъ значительно больше, чѣмъ даетъ многимъ изъ нихъ жизнь на свободѣ: для такихъ онѣ—пристанища. Но что даютъ онѣ со стороны нравственной? Въ большинствѣ случаевъ очень мало, а если и много, то въ отрицательномъ направленіи. Развѣ келья и работа достаточны для нравственнаго подъема? Развѣ для воспитанія и исправленія вашего ребенка вы запрете его на долгіе годы въ одиночную келью? Конечно, нѣтъ. На сравнительно короткое время и келья можетъ быть полезна, какъ одно— и притомъ одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ, но оно не панацея... А что ожидаетъ преступника за дверями тюрьмы?“ И. Д. А. подробно рисуетъ

безпомощность освобожденныхъ, равнодушіе и враждебность общества, новые соблазны. На вопросъ: что дѣлать?—онъ отвѣчаетъ сравненіемъ преступности съ чахоткой, которую слѣдуетъ всѣми силами предупреждать и которую очень трудно лѣчить, когда она уже проявилась. И на первомъ мѣстѣ въ ряду мѣръ предупрежденія должна быть поставлена борьба съ алкоголизмомъ.

На женевскомъ конгрессѣ 1896 г. Энрико Ферри представляетъ докладъ о „преступномъ темпераментѣ", гдѣ подробно цитируетъ работу Д. А. „О психо-физическихъ типахъ". Д. А. Дриль представляетъ этому съѣзду докладъ „Объ основаніяхъ и цѣли уголовной отвѣтственности". Отмѣчая изъ какихъ историческихъ элементовъ сложилось это неопредѣленное понятіе уголовной отвѣтственности, докладчикъ, переходитъ къ современному положенію ея въ наукѣ. Послѣ того, какъ антропологическая школа указала въ качествѣ индивидуальныхъ факторовъ преступности на недостатки, пороки и аномаліи физической и психической природы человѣка, развившіеся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ условій общественной среды, нельзя все возлагать на индивида. Нужно развить поэтому систему мѣръ предупрежденія, направленныхъ на общественное устроеніе и устраненіе причинъ вырожденія. Мѣры, направленныя на самого преступника, не должны разсчитывать спеціально на при-

чиненіе страданій, а только на исправленіе физическое и нравственное. Отсутствіе самого Д. А. на конгрессѣ дало узкое направленіе дальнѣйшимъ преніямъ, и вопросъ сосредоточился на темѣ о свободѣ воли. Далѣе, Д. А. принимаетъ участіе въ конгрессѣ 1901 г. въ Амстердамѣ, а въ 1906 г. на конгрессѣ въ Туринѣ Д. А. избирается однимъ изъ президентовъ конгресса уголовной антропологіи [1]).

Участіе въ *международныхъ тюремныхъ конгрессахъ* Д. А. начинаетъ принимать со времени международнаго конгресса въ Петербургѣ въ 1890 г. Здѣсь онъ представляетъ докладъ по вопросу объ отвѣтственности малолѣтнихъ, формулированный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какая власть должна постановлять рѣшенія о судьбѣ дѣтей, виновныхъ въ порокахъ и преступленіяхъ? Какими данными и принципами слѣдуетъ руководствоваться при рѣшеніи, должны ли эти пороки и преступленія влечь за собою заключеніе въ карательное заведеніе или же отдачу въ воспитательное учрежденіе? Долженъ ли возрастъ дѣтей служить единственнымъ элементомъ такого рѣшенія и распредѣленія и при какихъ условіяхъ“? Избранный общимъ докладчи-

[1]) Исторія 4 первыхъ международныхъ конгрессовъ, печатавшаяся сначала въ Мірѣ Божьемъ, перепечатана затѣмъ въ книгѣ „Преступность и преступники“ 1895 г. и статьѣ „Вырожденіе и преступность“ (Тюр. Вѣстн. 189 г. № 1—3). Отчетъ о V конгрессѣ помѣщенъ въ Ж. М. Ю. ноябрь 1901 г., а о VI—въ Тюр. Вѣстн. за 1907 г.

комъ по этому вопросу, Д. А. добивается въ секціи принятія резолюціи объ освобожденіи несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ отъ уголовной отвѣтственности, о преобладающемъ вниманіи, которое должно быть удѣляемо всей совокупности субъективныхъ признаковъ дѣятеля, о расширеніи усмотрѣнія судьи при выборѣ наказаній для несовершеннолѣтнихъ отъ 16 до 20 лѣтъ и т. д. Но въ общемъ собраніи этотъ вопросъ не могъ быть обсужденъ за недостаткомъ времени и былъ отложенъ до ближайшаго конгресса. Слѣдуетъ замѣтить, что тотъ же вопросъ о повышеніи возраста безотвѣтственности до 16 лѣтъ подымался Д. А. Дрилемъ еще въ 1883 г. на парижскомъ конгрессѣ французскаго Общества покровительства заброшеннымъ и преступнымъ дѣтямъ, но несмотря на общее сочувствіе, не былъ также вотированъ.

На парижскій международный тюремный конгрессъ 1895 г. Д. А. ѣдетъ съ прежнимъ докладомъ объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ и съ новымъ докладомъ о роли наградъ въ тюремной жизни. Въ первомъ докладѣ онъ изслѣдуетъ исторію вопроса и по прежнему отстаиваетъ возвышеніе возраста невмѣняемости до 16 лѣтъ, когда только начинаетъ происходитъ физическое и психическое формированіе человѣка. Въ своихъ 12 тезисахъ онъ намѣчаетъ многое, что затѣмъ было повторено другими. Такъ онъ требуетъ, чтобы

„дѣла разсматривались спеціально судомъ, рѣшающимъ негласно, составленнымъ изъ представителей судебнаго вѣдомства, опекунскихъ учрежденій и врачебнаго сословія". При подчиненіи несовершеннолѣтнихъ принудительному воспитанію слѣдуетъ различать упорно поддающіеся исправленію характеры и обыкновенные, болѣе легко руководимые характеры и соотвѣственно съ этимъ создать два типа учрежденій. Для несовершеннолѣтнихъ, достигшихъ 16 лѣтъ, должно быть установлено спеціальное производство, имѣющее цѣлью выяснить, достигли ли они полнаго душевнаго развитія или нѣтъ (прототипъ производства о разумѣніи). Относительно болѣе взрослыхъ (18—21 г.) судьѣ должна быть предоставлена свобода усмотрѣнія; учиняемый ими рецидивъ не долженъ имѣть постояннаго предустановленнаго значенія. Большинство этихъ постановленій Д. А. удалось впослѣдствіи воплотить въ русскомъ законѣ 2 іюня 1897 г. По второму вопросу о тюремныхъ наградахъ Д. А. дѣлаетъ въ конечномъ итогѣ слѣдующія предложенія: 1) лучшимъ средствомъ защиты общества отъ уже сформировавшихся преступниковъ является исправленіе ихъ, и этой цѣли должна всячески служить тюрьма; 2) для этого тюрьма должна стремиться поднять мужество заключенныхъ, развить въ нихъ увѣренность въ собственныхъ силахъ, разсѣять мрачныя идеи и угнетаю-

щія настроенія, нарушающія душевное равновѣсіе, и пробудить хорошія чувства и порывы, не прибѣгая къ наказаніямъ иначе, какъ въ крайнихъ случаяхъ; 3) кромѣ личныхъ наградъ и поощреній, весьма полезно, въ тюрьмѣ для исправленія организовать общія развлеченія разъ въ недѣлю, позволить заключеннымъ свободно избирать себѣ занятіе и упражненія соотвѣтственно вкусу и склонностямъ; 4) поощренія и награды должны быть всегда разсчитаны на укрѣпленіе добрыхъ, а не дурныхъ и низкихъ, чувствъ; 5) выборъ ихъ долженъ быть предоставленъ такту или усмотрѣнію директора или административнаго совѣта подъ соотвѣтственнымъ надзоромъ; 6) при назначеніи наградъ слѣдуетъ остаться въ разумныхъ границахъ, не упуская изъ виду исправительныхъ задачъ тюрьмы.

На брюссельскомъ конгрессѣ 1900 г. Д. А. принимаетъ близкое участіе въ работахъ IV секціи относительно несовершеннолѣтнихъ и результатамъ этого конгресса посвящаетъ большую статью (Итоги международнаго тюремнаго конгресса въ Брюсселѣ Ж. М. Ю. 1900, кн. 9). Но все же ему не удается и здѣсь провести своихъ идей.

Въ 1905 г. онъ участвуетъ на Будапештскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, которому представляетъ докладъ о нравственно-заброшенныхъ дѣтяхъ. На поставленный комиссіей вопросъ:

„каковы, кромѣ воспитанія, наиболѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія устойчивости морально заброшенныхъ дѣтей и для исправленія порочныхъ дѣтей, еще не учинившихъ наказуемаго дѣянія?“ онъ отвѣчаетъ съ большею рѣшительностью: „необходимо воздѣйствовать на причины заброшенности и развращенія въ самихъ семьяхъ и устранить неблагопріятныя условія жизни, созданныя развитіемъ въ XIX вѣкѣ. Другія мѣры явятся только палліативомъ“. Нужно спасти семью отъ обнищанія и вырожденія, нужно путемъ кооперації экономически обезпечить ее, и тогда рѣшится и данная проблема. На самомъ конгрессѣ мнѣ пришлось слышать Д. А. въ общемъ собраніи, когда онъ энергично возражалъ противъ устройства особыхъ наблюдательныхъ учрежденій для подростковъ, помѣщаемыхъ въ исправительно-воспитательные пріюты. Устройство ихъ, по его мнѣнію, только сдѣлаетъ содержаніе болѣе дорогимъ, но не обезпечитъ надлежащаго ознакомленія съ личностью подростка. Въ области этихъ же вопросовъ лежитъ и послѣдній докладъ, представленный Д. А. на Вашингтонскій тюремный конгрессъ 1910 г. Здѣсь на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли создать особыя учрежденія для ненормальныхъ дѣтей (отсталыхъ, слабоумныхъ), проявляющихъ опасныя склонности, онъ рѣшительно отвѣчаетъ въ отрицательномъ смыслѣ, указывая, что требованія

выставляемыя для такихъ учрежденій, въ сущности, должны быть осуществлены въ каждомъ исправительно-воспитательномъ заведеніи (усиленный врачебный надзоръ, выдѣленіе трудно-исправимыхъ). Съ выдѣленіемъ трудно-исправимыхъ въ особыя школы отпадаетъ сама потребность въ появленіи новой классификаціи. На Вашингтонскій конгрессъ Д. А. не пріѣхалъ, и его отсутствіе сразу было замѣчено его многочисленными друзьями.

Въ 1902 г. въ Петербургѣ происходилъ *Международный конгрессъ Союза Криминалистовъ,* и Д. А. принимаетъ въ немъ близкое участіе. Въ представленномъ имъ докладѣ „О значеніи субъективнаго момента въ преступленіи" онъ защищаетъ субъективную точку зрѣнія. Объективный взглядъ въ уголовномъ правѣ онъ выводитъ изъ системы выкуповъ и мести. Въ исторіи наказанія онъ намѣчаетъ 4 періода: 1) родовая эпоха, когда все опредѣлялось злобнымъ чувствомъ мести и взаимною силою; 2) эпоха объединенія родовъ, когда появляется посредничество суда, и вырабатывается система денежныхъ выкуповъ; 3) эпоха образованія военнаго государства, вырабатывающая чрезвычайно повышенную систему воздаянія, основаннаго на устрашеніи; 4) эпоха смягченія наказаній, начавшаяся съ конца XVIII столѣтія и продолжающаяся и понынѣ, когда успѣхи положительныхъ наукъ разрушаютъ идею воздаянія и выдвигаютъ

цѣль исправленія; здѣсь должное вниманіе удѣляется и мѣрамъ предупрежденія. Не отрицая совершенно роли объективнаго момента, авторъ полагаетъ, что въ будущемъ значеніе субъективныхъ условій будетъ все расти, и центромъ уголовнаго права станетъ человѣческая личность во всемъ ея разнообразіи [1]).

Мы останавливались только на международныхъ конгрессахъ, имѣющихъ отношеніе къ уголовному праву. Но не только въ нихъ принимаетъ участіе Д. А. Такъ въ 1900 г. онъ является активнымъ участникомъ парижскаго конгресса общественнаго призрѣнія и частной благотворительности (см. „Трудовая помощь“ 1900, ноябрь—декабрь); въ 1907 г. онъ принимаетъ участіе въ международномъ конгрессѣ по борьбѣ съ алкоголизмомъ въ Стокгольмѣ („Русскія Вѣдомости“ 25, 27, 31 іюля и 4 августа 1907 г.). Повсюду онъ выступаетъ въ защиту тѣхъ идей, служеніе которымъ было цѣлью его жизни—идей общественнаго оздоровленія и моральнаго совершенствованія на почвѣ улучшенія культурныхъ условій жизни. И слава его, какъ высокаго гуманиста, перелетаетъ границы Россіи.

Пройдена трудовая жизнь, посвященная служенію широкимъ гуманнымъ задачамъ. Она не ба-

[1]) См. его отчетъ въ „Самообразованіи“ 1902 г. № 47 и 48.

ловала Д. А. многими минутами удовлетворенія. Тяжело было распахивать еще очень слабо тронутую у насъ почву народныхъ невзгодъ, широкую какъ море. Заслуга Д. А. въ томъ, что онъ проложилъ здѣсь глубокія борозды и съ помощью своего антропологическаго ученія показалъ всю грозность преступности, разврата, пьянства, заброшенности для будушности народа. Онъ болѣлъ объ этомъ сердцемъ и не разъ обращался съ горячимъ призывомъ къ обществу. Въ одинъ изъ поворотныхъ моментовъ нашей исторіи, въ ноябрѣ 1905 года, онъ пишетъ (Юристъ, 27 ноября 1905 г. „Важнѣйшіе вопросы русской современности"): „Нѣтъ, господа, не уголовными наказаніями и мѣрами полицейскаго обузданія можетъ и долженъ быть устанавливаемъ правовой порядокъ. Самъ онъ долженъ имѣть дѣйствительно справедливое основаніе и въ основѣ его должно лежать чувство солидарности... Важно, чтобы теперь же была составлена на основѣ искренняго соглашенія программа дѣятельности, держащаяся на правилѣ „живи и жить давай другимъ". Переходными формами явятся различныя кооперації въ сферѣ производства, обмѣна и потребленія и направленіе народныхъ средствъ, создаваемыхъ народнымъ трудомъ и получаемыхъ путемъ справедливаго вполнѣ уравнительнаго налога, на удовлетвореніе дѣйствительно народныхъ нуждъ—просвѣтительно - куль-

тультурныя учрежденія и экономическое благосостояніе массъ".

Оцѣнка дѣятельности Д. А. Дриля—дѣло различныхъ лицъ и учрежденій. Мы же, прослѣдивъ въ общихъ чертахъ его разностороннюю дѣятельность, въ заключеніе немногими чертами обрисуемъ его взгляды въ области уголовнаго права и и укажемъ, что новаго внесли они въ нашу науку.

II.

Д. А. Дриль былъ однимъ изъ самыхъ яркихъ представителей уголовно-антропологическаго направленія въ Россіи. Онъ воспринялъ это направленіе не рабски, а путемъ сознательно продуманнаго критическаго пересмотра причинъ и формъ преступности. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не слѣдовалъ послушно за каждымъ положеніемъ этой школы и энергично протестовалъ противъ многихъ ея выводовъ, несостоятельность которыхъ позднѣе была доказана весьма обстоятельно: таково, напримѣръ, ученіе объ анатомическомъ типѣ преступника, впервые раскритикованное Мануврiе, признаніе неисправимости преступника, усиленная рекомендація мѣръ элиминированія вмѣсто мѣръ исправительнаго характера и пр. Отъ антропологической школы Д. А. Дриль не перенялъ и характернаго для нея суроваго отношенія къ преступнику. Наоборотъ, онъ ассоціировалъ уголовно-антропологи-

ческое ученіе съ представленіемъ о преступникѣ, какъ о „несчастненькомъ“, нуждающемся въ особыхъ мѣрахъ общественной опеки. Пожалуй, можно сказать, что отъ антропологической школы онъ заимствовалъ основной ея взглядъ на преступность, какъ на порожденіе органическихъ свойствъ человѣка, да ея экспериментально-описательный методъ. Въ предисловіи ко второму тому „Малолѣтнихъ преступниковъ“ Д. А. объясняетъ причины, толкнувшія его въ сторону этой школы, и даетъ ей слѣдующую оцѣнку: „На ново-итальянскую школу уголовнаго права слышится не мало различныхъ и часто рѣзкихъ нападокъ. Указываютъ на нѣкоторые ея частные промахи. Но безъ такихъ промаховъ невозможно, особенно при проложеніи новыхъ путей... Но, наряду съ этими слабыми сторонами, она несомнѣнно представляетъ и крупныя достоинства; главнымъ изъ нихъ является то, что она безусловно отказалась отъ апріорныхъ методовъ изслѣдованія и сдѣлала дѣйствительнаго преступника, со всѣми его индивидуальными особенностями, объектомъ изученія и притомъ изученія при помощи точныхъ методовъ естествознанія. Этимъ—каковы бы ни были ея промахи и ошибки—она обезпечила возможность опытной провѣрки ея положеній и возможность дальнѣйшаго правильнаго развитія науки“. Изслѣдованіе преступности этими методами интересовало Д. А. не

только съ теоретической стороны, а главнымъ образомъ потому, что оно, какъ онъ былъ увѣренъ, можетъ объективно доказать дорогія для него идеи моральнаго прогресса. „Я люблю уголовную антропологію—говоритъ онъ на одномъ изъ международныхъ конгрессовъ [1]),—всѣми силами моей души потому, что изучая причины человѣческой преступности, даже самыя отдаленныя, она съ доказательными фактами въ рукахъ ясно и наглядно показываетъ обществу, что принципъ общественной нравственности и идеалы не суть пустыя слова, а неизбѣжныя слѣдствія или правильнѣе выводы изъ самихъ явленій общественной жизни".

Предмету и задачамъ уголовной антропологіи Д. А. посвятилъ нѣсколько статей. Въ одной изъ послѣднихъ статей „Наука уголовной антропологіи, ея предметъ и задачи" (Вѣстникъ Психологіи 1904 г. кн. 1) онъ такъ опредѣляетъ ихъ: „Задачи уголовной антропологіи или уголовнаго права, какъ науки,—изучить преступнаго человѣка или, правильнѣе, преступныхъ людей, въ разнообразіи ихъ особенностей, слагающихся подъ опредѣленнымъ вліяніемъ общественной среды (сюда войдетъ изученіе полноты соціальныхъ факторовъ) и притомъ изучить эти особенности въ ихъ генезисѣ и, руководствуясь данными изученія, намѣтить дѣй-

[1]) См. Преступность и преступники, стр. 121.

ствительныя средства борьбы съ преступностью. Тщательное изученіе космически-соціальныхъ факторовъ, приводящихъ къ психофизическому регрессу породы (вырожденію), который въ качествѣ недостаточностей структуры въ свою очередь обусловливаетъ недостаточности функціональной дѣятельности и въ томъ числѣ различные пороки и преступленія, даетъ прочный фундаментъ для обоснованія преимущественно широкихъ мѣръ общественнаго упорядоченія и, съ тѣмъ вмѣстѣ, предупрежденія нарожденія преступниковъ, исходящихъ изъ среды болѣе или менѣе дурно уравновѣшенныхъ, порочныхъ и недостаточныхъ психофизическихъ организацій. Изученіе же индивидуальныхъ особенностей преступниковъ, въ связи съ изученіемъ процесса развитія этихъ особенностей, даетъ столь же прочный фундаментъ для обоснованія дѣйствительныхъ мѣръ къ обезвреженію (исправленію) уже народившихся преступниковъ". По адресу классической школы онъ замѣчаетъ, что „это въ существѣ весьма свободный комментарій дѣйствующихъ уголовныхъ законодательствъ, представляющихъ собою пережитки глубокой старины, но не наука о дѣйствительныхъ средствахъ борьбы съ преступностью общественнаго человѣка".

Основные принципы, которыми должна руководиться уголовно-антропологическая школа, были изложены Д. А. Дрилемъ въ его докладѣ брюс-

сельскому конгрессу уголовной антропологіи. Онъ сводилъ ихъ къ слѣдующимъ семи основнымъ положеніямъ: 1) Основаніемъ наказанія и его первенствующею цѣлью новое направленіе признаетъ не возмездіе, а необходимость огражденія общества отъ зла преступленія. 2) Антропологическая школа стремится изучить при помощи всѣхъ точныхъ научныхъ методовъ разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, производящіе ихъ причины, ихъ дѣятельность ихъ преступленія и наиболѣе дѣйствительныя средства воздѣйствія на нихъ. 3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей психофизической организаціи преступника и внѣшнихъ воздѣйствій. 4) Антропологическая школа разсматриваетъ преступника какъ въ большей или меньшей степени несчастную, порочную, неуравновѣшенную и недостаточную организацію, которая вслѣдствіе того мало приспособлена къ борьбѣ за существованіе въ легальныхъ формахъ. 5) Причины преступленія антропологическая школа дѣлитъ: а) на ближайшія—порочности психофизической организаціи дѣятеля; б) болѣе отдаленныя—неблагопріятныя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно вырабатываются первыя; в) предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ порочныя организаціи наталкиваются на преступленія. 6) Антропологическая школа изучаетъ пре-

ступниковъ и совершаемыя ими преступленія, какъ естественно-общественныя явленія. Этимъ она сливаетъ вопросъ о преступности съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для борьбы съ преступленіемъ. 7) Исходя изъ этихъ положеній она отрицаетъ разумность напередъ опредѣленныхъ мѣръ репрессіи и ставитъ ихъ въ зависимость отъ изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго дѣятеля. Д. А. посвятилъ развитію этихъ положеній рядъ статей и дѣятельно полемизировалъ съ противниками этихъ взглядовъ [1]).

Центральный вопросъ всякаго уголовно-антропологическаго ученія это вопросъ о тѣхъ органическихъ свойствахъ человѣка, которыми обусловливается его преступность. Здѣсь Д. А. отрицалъ положеніе Ломброзо о „преступномъ типѣ". „Изу-

---

[1]) Опредѣленію задачъ уголовной антропологіи, кромѣ приведенныхъ въ текстѣ, посвящены статьи: Des principes fondamentaux de l'ecole d'anthropologie criminelle (Работы Брюсс. конгрес. уг. антроп.) „Позитивная школа уголовнаго права и ея критики" (отвѣтъ на статью А. К. Вульферта: „Русскіе позитивисты въ уголовномъ правѣ", помѣщ. въ Ж. Гр. и Уг. Пр. 1886, кн. IV) (Юр. Вѣстн. 1886, № 11) „Болѣзнь, порокъ и преступленіе" (1894 г.) „Въ чемъ же состоятъ увлеченія антропологической школы уголовнаго права? (размышленія, вызванныя статьею проф. Анучина). (Русская Мысль 1890, кн. VI), „Антропологическая школа и ея критики"—замѣтки по поводу статей г. Обнинскаго (Юр. Вѣстн. 1890 № 12) „Вырожденіе и преступность" (Тюр. Вѣстн. 1904 № 1—3) „Что даетъ намъ наука уголовной антропологіи („Самообразованіе" 1902 г. №№ 43, 45, 48).

ченіе осужденныхъ преступниковъ—пишетъ онъ („Преступность и преступники“ 1899 г., стр. 92)—не даетъ и не можетъ дать намъ особаго преступнаго типа. Оно только знакомитъ насъ съ особенностями болѣе или менѣе недостаточныхъ, дефективныхъ и предрасположенныхъ организацій, которыя при неблагопріятныхъ условіяхъ окружающей обстановки впадаютъ въ преступленіе, а при условіяхъ благопріятныхъ остаются болѣе или менѣе неудачными, безнравственными, дурными и вредными людьми и которые нерѣдко имѣютъ успѣхъ и даже пользуются уваженіемъ и почетомъ“. Свое ученіе объ органическихъ свойствахъ преступника онъ слѣдующимъ образомъ резюмируетъ во второмъ томѣ „Малолѣтнихъ преступниковъ“ (стр. IX); „Преступникъ вообще представляетъ собою въ большей или меньшей степени порочный, дурно устроенный и въ томъ или другомъ отношеніи дурно уравновѣшенный, но не больной организмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова; преступность его представляетъ, по мѣткому выраженію д-ра Дежеримъ—une façon d'être вырожденія. Послѣднее же своими тончайшими оттѣнками объединяетъ на своей почвѣ въ одну обширную родственную группу душевныя разстройства, неврозы, устойчивую порочность и преступность, которыя всѣ являются, повидимому, выраженіями неустойчивостей и различныхъ порочностей психо-физи-

ческой организаціи индивидуума". Преступность, такимъ образомъ, въ ученіи Д. А. Дриля сливалась съ другими формами вырожденія на почвѣ соціальныхъ условій, и все ученіе его, собственно, покрываетъ болѣе широкую группу явленій, нежели та, которая зовется преступностью въ узкомъ смыслѣ. Въ область уголовной антропологіи онъ относилъ поэтому и явленія вырожденія на почвѣ полового разврата, алкоголизма, экономической эксплоатаціи, органическаго истощенія и пр. Все это ученіе скорѣе можетъ быть названо не уголовной антропологіей, а соціальной патологіей. „Преступленія—замѣчаетъ онъ („Вѣстникъ Психологіи" 1904 г., кн. I)—это въ полномъ смыслѣ слова болѣзни соціальнаго организма, которыя, какъ и болѣзни организма индивидуальнаго, требуютъ для своего устраненія изученія полноты производящихъ ихъ факторовъ и содѣйствующихъ имъ условій".

Въ изданномъ послѣ его смерти курсѣ лекцій по „Уголовному праву" онъ фактически излагаетъ историческій ходъ ученій о вырожденіи и зависимости душевныхъ свойствъ отъ окружающей среды, ученіе о психическихъ анормальностяхъ, объ алкоголизмѣ, о вліяніи экономическихъ условій на здоровый ростъ организма. Въ своихъ взглядахъ въ этой области онъ болѣе примыкаетъ ко взглядамъ французской школы (Деспина, Мореля, Фовиля,

Мануврiе и др.), чѣмъ школы итальянской, которую, впрочемъ, цѣнитъ очень высоко. Онъ выводитъ изъ забвенія ученіе френолога Галля и указываетъ цѣнные элементы, въ немъ содержащіеся. Въ его работахъ содержится подробная исторія антропологическихъ идей, писавшаяся параллельно съ ходомъ развитія ихъ.

Но характерно, что, являясь сторонникомъ новыхъ теченій естественно-научнаго характера, Д. А. Дриль не придавалъ, подобно другимъ антропологамъ, рѣшительнаго значенія естественнымъ законамъ, а подчинялъ ихъ нравственному прогрессу. „Законъ борьбы за существованіе—пишетъ онъ въ одномъ мѣстѣ („Малол. преступники“, т. I, стр. 196)—конечно, развиваетъ, силы отдѣльныхъ индивидуумовъ, но онъ не можетъ вести ихъ къ тому высшему совершенствованію, которое достигается только при помощи другого закона—закона общественности, основывающагося на чувствахъ симпатіи и благожелательности, тѣсно сплачивающихъ членовъ общества въ единое цѣлое и заставляющаго ихъ оказывать взаимно помощь другъ другу и направлять дружныя усилія на достиженіе общихъ цѣлей“.

Наказанію Д. А. Дриль въ своихъ работахъ удѣлилъ также много вниманія, хотя считалъ, что роль его въ настоящее время сильно преувеличена. „Главнѣйшими средствами огражденія об-

щества отъ преступника уголовная антропологія считаетъ мѣры предупрежденія противъ порчи и паденія; а средствами второстепенными—наказаніе, цѣль котораго исправленіе. Новая школа отказывается поэтому отъ исканія произвольныхъ уравненій несоизмѣримыхъ въ ихъ существѣ зла преступленія и зла наказанія и задается по отношенію къ преступнику только разумно-утилитарными цѣлями, которыя вполнѣ совпадаютъ и съ цѣлями нравственными" („Преступность и преступники". Введеніе). Онъ противникъ всякой жестокости наказанія. „Мѣры одичанія, приводя къ подавленію лучшихъ сторонъ человѣческой природы, выработанныхъ въ ней сообществомъ съ себѣ подобными, способны только ухудшать положеніе, но никакъ не улучшать его. Одно зло всегда порождаетъ другое и притомъ по большей части горшее. Кнутъ и пожизненная каторга, какъ показываетъ вся исторія человѣчества, плохія средства для борьбы" („Новыя вѣянія", Юр. Вѣстн. 1880, т. IV, стр. 76). Указывая на необходимость развитія различныхъ мѣръ безопасности, Д. А. не былъ сторонникомъ полнаго устраненія идеи отвѣтственности изъ уголовнаго права, онъ говорилъ только о значительныхъ измѣненіяхъ въ содержаніи ея. „Антропологическая школа — пишетъ онъ („Болѣзнь, порокъ преступленіе", 1894 г., стр. 43)— вовсе не проповѣдуетъ безотвѣтственности и не-

вмѣняемости. Она утверждаетъ напротивъ, что всѣ безъ исключенія отвѣтственны за свои дѣйствія передъ требованіями огражденія общества отъ зла преступленія и что всѣмъ должно ставить на счетъ ими содѣянное. Различія только въ цѣлесообразныхъ мѣрахъ огражденія и репрессіи. Въ одномъ случаѣ—случаѣ душевной болѣзни въ собственномъ смыслѣ—лишеніе свободы и принудительное лѣченіе вплоть до выздоровленія и обезвреживанія, въ другомъ тоже лишеніе свободы, принудительное дисциплинированіе и уголовное исправленіе, т. е. подъемъ до минимума требованій, предъявляемыхъ къ человѣку для свободной жизни въ обществѣ себѣ подобныхъ".

Отношеніе Д. А. къ существующей системѣ наказаній выясняется имъ въ рядѣ статей. О смертной казни Д. А. печатно не высказывался, но въ его вышедшихъ послѣ смерти лекціяхъ мы находимъ рѣзкое осужденіе этого наказанія. „По вопросу о смертной казни во Франціи было брошено едва ли удачное и остроумное выраженіе: „Пусть начнутъ господа убійцы". Но развѣ сильная общественная власть, призванная отстаивать и охранять право и нравственность, можетъ равняться и ставить себя на одну доску съ выбитыми изъ жизненной колеи убійцами и отъ нихъ требовать указанія примѣра для себя? Развѣ эта сильная правомѣрная власть не можетъ безъ убійства лица, престу-

пившаго законъ, обуздать и обезвредить его, особенно если въ дѣлѣ борьбы съ преступностью она въ общемъ будетъ слѣдовать мудрымъ указаніямъ и завѣтамъ Роберта Оуэна"?. Ссылаясь на рядъ новѣйшихъ трудовъ о смертной казни. Д. А. высказываетъ горячую надежду на скорое исчезновеніе этого растлѣвающаго душу и тѣло зла. Также рѣзко онъ высказывается противъ тѣлесныхъ наказаній, привѣтствуя ихъ полную отмѣну даже въ качествѣ дисциплинарныхъ мѣръ по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ преступникамъ, осуществленную положеніемъ 15 мая 1909 г. объ исправительно-воспитательныхъ заведеніяхъ.

По вопросу о цѣлесообразности ссылки Д. А. Дриль принимаетъ эволюціонную точку зрѣнія. Не отрицая заслугъ этого наказанія въ прошломъ, онъ считаетъ его непригоднымъ для настоящаго времени. Направляемые въ ссылку, истощенные жизнью въ большихъ городахъ, порочные и оскудѣвшіе организмы представляютъ плохой матеріалъ для колонизаціи. Ссылка съ величайшимъ успѣхомъ можетъ содѣйствовать лишь разсѣянію того физическаго и нравственнаго зла, которое носитъ названіе психофизическаго вырожденія съ его злокачественными проявленіями. Она можетъ способствовать зараженію этимъ зломъ новыхъ мѣстностей. Д. А. пришлось въ 1898 г. лично изучить постановку ссылки во Франціи и Россіи. Въ своихъ

опубликованныхъ впечатлѣніяхъ [1]) онъ рисуетъ разложеніе ново-каледонской ссылки и безсиліе администраціи создать изъ ссыльныхъ элементовъ прочное общество. Яркими штрихами онъ рисуетъ разложеніе нашей сахалинской и сибирской ссылки. Бродячая жизнь большинства поселенцевъ, превращеніе женщины въ товаръ и господствующая на этой почвѣ распущенность и вырожденіе дѣтей, обильный рецидивъ—все это свидѣтельствуетъ, что въ ссылкѣ „ядъ не разжижается, какъ слѣдовало, а напротивъ концентрируется и заражаетъ несчастную страну, избранную мѣстомъ для нея". Отрицая возможность улучшить положеніе ссылки, какъ массовой мѣры, и считая, что она скорѣе развиваетъ преступность, чѣмъ понижаетъ ее, Д. А. Дриль полагаетъ возможнымъ сохранить ссылку лишь, какъ мѣру устройства выпущенныхъ изъ долгосрочныхъ тюремъ въ случаѣ ихъ согласія на то. Взгляды автора значительно повліяли на законодательство, значительно сократившее закономъ 1900 г. примѣненіе ссылки на поселеніе.

Современную постановку тюремнаго заключенія нашъ авторъ осуждаетъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ рядѣ статей. И во время заграничныхъ поѣздокъ и по службѣ въ тюремномъ управленіи ему удалось скопить въ этой области гро-

[1]) См. его книгу „Ссылка во Франціи и Россіи" изд. Пантелѣева. Спб. 1899.

мадный опытъ, и потому мнѣніе его было весьма компетентно. Уже въ статьѣ „Тюрьмы Западной Европы“ (Юр. Вѣстн. 1884, кн. 1, стр. 15) онъ пишетъ: „Различныя пенитенціарныя системы Запада превратили тюрьму или въ тихій склепъ, гдѣ на болѣе или менѣе долгіе сроки, а иногда и пожизненно, хоронятся различные жизненные незадачники—плодъ общественныхъ язвъ и нестроенія, или въ обширную, непривѣтливую фабрику, приводимую въ движеніе подневольнымъ рабскимъ трудомъ. Тяжело заглядывать въ эту мрачную область непробуднаго горя и длящагося, постоянно ноющаго человѣческаго страданія“. Въ другой статьѣ („Тюрьма и ея вліяніе“. Юр. Вѣстн. 1888, кн. 12 стр. 656) онъ характеризуетъ положеніе русскихъ тюремъ; „Я имѣлъ случай видѣть не одну русскую тюрьму—пишетъ онъ.—Страшно и грустно становилось при видѣ этой безпризорной массы безъ разбора скученныхъ и по большей части бездѣльничающихъ здоровыхъ людей, почти вовсе лишенныхъ какого бы то ни было нравственнаго вліянія ....Не трудно понять, какія взаимныя вліянія должны оказывать другъ на друга при подобныхъ условіяхъ безпризорные люди подобной степени нравствнnной культуры. Многіе изъ нихъ—тюремные герои—имѣютъ за собою многолѣтнее безотрадное нравственное прошлое и представляются развращенными, какъ выражаются, до мозга ко-

стей. Не мудрено поэтому, что наши тюрьмы вмѣсто мѣста исправленія представляютъ собою высшія школы развращенія, въ которыхъ малоопытные и попадающіе въ нихъ въ первый разъ быстро преуспѣваютъ во всевозможныхъ порокахъ и искусствахъ преступленія подъ руководствомъ многоопытныхъ и нравственно болѣе разлагающихся. И все это подготовляется и обучается на горе обществу и на его голову, за его собственный счетъ и въ его собственныхъ школахъ, которыя обходятся ему, считая въ круглой цифрѣ, въ 13 милліоновъ въ годъ. Проходитъ же черезъ эти высшія школы для лучшаго усовершенствованія въ преступленіи ежегодно никакъ не менѣе полумилліона лицъ. Красивыя и поучительныя цифры!". Тюрьма представляетъ изъ себя, если примѣнять одиночное заключеніе, картину тупой, постоянно ноющей психической боли, которая минута за минутой, часъ за часомъ безустанно дѣйствуетъ подавляюще на органическія силы и которая замариваетъ психическую личность. „На всемъ строѣ современной тюрьмы,—пишетъ онъ въ статьѣ „Принудительное воспитаніе взрослыхъ" въ Ж. М. Ю. 1901, кн. 7. стр. 112,—на всей ея постановкѣ и на всѣхъ воззрѣніяхъ, связанныхъ съ примѣняемой въ ней системой лишенія свободы, все еще ярко отражается могучее вліяніе вѣковъ минувшихъ—вліяніе наказаній, ведущихъ свое начало

по прямой линіи отъ кровавыхъ международныхъ войнъ и отъ эпохи кровавой мести“ [1]).

Современная тюрьма должна быть замѣнена учрежденіями для принудительнаго воспитанія. Исторія исправительно-воспитательныхъ заведеній для дѣтей, исторія системъ воздѣйствія на душевнобольныхъ показываетъ, что система жестокаго стѣсненія и связаннаго съ нею физическаго и нравственнаго страданія должна смѣниться системой воспитанія. Зачатки этого Д. А. видитъ въ американской системѣ реформаторій, за развитіемъ которой онъ слѣдитъ съ большимъ вниманіемъ [2]). Не рекомендуя заимствованіе ея теперь же во всей цѣлостности, онъ указываетъ на необходимость удѣлять ей самое серьезное активное вниманіе. Въ связи съ этимъ онъ является сторонникомъ системы неопредѣленныхъ приговоровъ и условнаго осужденія.

Намъ остается характеризовать взгляды Д. А. въ области принудительнаго воспитанія несовер-

---

[1]) Изъ другихъ работъ Д. А. Дриля о тюрьмѣ слѣдуетъ отмѣтить: „Тюремный міръ“ (по поводу книги Лорана) (Русская Мысль, 1890, кн. 2). „Тюремныя работы, ихъ значеніе и организація“ (Тюр. Вѣстн. 1902, № 1), докладъ парижскому международному конгрессу о наградахъ въ тюрьмахъ. „Добрыя начинанія въ тюрьмѣ“ (Ж. М. Ю. 1898).

[2]) О реформаторіяхъ Д. А. говоритъ въ статьяхъ и замѣткахъ: „О примѣненіи основныхъ началъ принудительнаго воспитанія къ взрослымъ осужденнымъ“ (Ж. М. Ю, 1901, кн. 7). „Исправительное заведеніе (Reformatory) въ Конкордѣ“ (Ж. М. Ю. 1897, кн. 4) „Американскія исправительныя тюрьмы“ (Ж. Юр. Общ. 1895, кн. VII).

шеннолѣтнихъ. Здѣсь онъ былъ неустаннымъ печальникомъ, дѣятельно радѣвшимъ о самыхъ разнообразныхъ большихъ и малыхъ нуждахъ этого института. Возникаетъ ли вопросъ о системахъ организаціи этихъ учрежденій, о созданіи врачебно-медицинской помощи и наблюденіи въ пріютахъ для трудно исправимыхъ или нравственно-отсталыхъ дѣтей, объ изысканіи новыхъ источниковъ для пополненія средствъ, о методахъ воспитанія и дисциплинарныхъ воздѣйствіяхъ, объ улучшеніи положенія служащихъ въ нихъ, о связи этихъ учрежденій съ опекунскими—во всѣхъ случаяхъ мы находимъ живой откликъ въ работахъ Д. А. Исторія развитія исправительно-воспитательныхъ заведеній у насъ такъ тѣсно связана съ дѣятельностью Д. А., что намъ пришлось бы фактически повторить первую, попытавшись изложить вторую. Но задача эта непосильна для нашего очерка [1]). „Въ

[1]) Главныя работы Д. А. по этому вопросу: „Наши исправ.-воспитат. заведенія и вопросы исправительнаго воспитанія“ (Ж. М. Ю. 1898, кн. 7—10), „Тюрьма и принудительное воспитаніе“ (Ж. М. Ю. 1900, кн. 3—5); затѣмъ идутъ: „Вопросы исправительнаго воспитанія“ (Тюр. Вѣст. 1903, январь—мартъ), „Исправительныя заведенія для несовершеннолѣтнихъ.—Организація въ нихъ медико-педагогическаго надзора“ (Тюремный Вѣстникъ 1903, № 3), „Явленіе ранней распущенности и преступности у дѣтей“ (Юр. Вѣстн. 1892, кн. 3 и 4) „Причины дѣтской преступности во Франціи“ (Ж. М. Ю. 1904, кн. 9), „Загадочные закоренѣлые убійцы“ (Вѣстникъ Психологіи 1904), „Безучастность общества и ея слѣдствія“ (личныя впечатлѣнія отъ осмотра нѣкоторыхъ воспитательно-исправительныхъ заведеній) (Тюр. Вѣстн. 1907 г.). „Постановка дѣла исправительнаго воспитанія въ Рос-

борьбѣ націй за преобладаніе будутъ имѣть успѣхъ только націи, въ возможно большей своей части умственно и нравственно хорошо вооруженныя. Націи же въ этихъ отношеніяхъ слабыя должны будутъ постепенно отступать и въ конечномъ результатѣ, быть можетъ, сходить со сцены. По этому всякое общество во имя будущихъ своихъ судебъ и благосостоянія. жизненно заинтересовано въ правильной организаціи обученія и воспитанія массъ, на которыхъ покоится его сила и крѣпость" („Тюрьма и принудительное воспитаніе" Спб. 1900 г. стр. 91 отд. оттиска). Общество должно отказаться отъ всякаго суда и наказанія по отношенію къ несовершеннолѣтнимъ до 17 лѣтъ и замѣнить ихъ одною изъ мѣръ предупрежденія, сводящихся къ надлежащему разумному воспитанію или перевоспитанію. Только такимъ путемъ формируется личность человѣка, достаточно приспособленная къ общественной жизни („Суды для малолѣтнихъ. Право 1904, стр. 2017").

сіи (тамъ же) „Что далъ VI съѣздъ представителей русскихъ воспит.-исправ. заведеній („Ж. М. Ю. 1904, кн. 7). „Къ вопросу объ исправительномъ воспитаніи. Школа Lepeletier de saint Fargceu" („Ж. М. Ю. 1897, кн. 9); „Мѣры борьбы съ преступностью" (Право 1905, стр. 214) „Суды для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ" (Право 1904, стр. 2010). Исправительное воспитаніе и законъ 2 іюня 1897 г. (Ж. М. Ю. 1898, кн. 6). Кромѣ того рядъ мелкихъ замѣтокъ: о костромскомъ, о нижегородскомъ обществѣ и исправительныхъ пріютахъ, о V съѣздѣ представителей исправ.-воспит. заведеній въ 1900, о семейномъ патронатѣ, о школахъ предупрежденія и др., разсѣянъ въ Ж. М. Ю. въ періодъ 1896—1907 г.

Исчерпавъ тѣ мѣры, которыя рекомендуются Д. А. Дрилемъ, подъ видомъ наказанія, служащаго цѣли исправленія, мы должны были бы пойти въ область тѣхъ мѣръ предупрежденія, на примѣненіе которыхъ должно быть обращено, по его мнѣнію, преимущественное вниманіе. Но здѣсь намъ бы пришлось вступить въ сферу широкой соціальной дѣятельности покойнаго. Выясненіе рекомендовавшихся имъ идей въ области борьбы съ нищенствомъ и бродяжничествомъ [1]), съ алкоголизмомъ, въ области рабочаго законодательства, общественной гигіены, поднятія экономическаго благосостоянія, борьбы съ жилищной нуждой, съ заброшенностью дѣтей и проституціей, въ области общественной благотворительности и попеченія—все это представляетъ собою обширную самостоятельную задачу. И если изслѣдователь порою не найдетъ здѣсь новыхъ идей, зато онъ всегда здѣсь встрѣтитъ горячее сочувствіе горю людскому. Мѣры борьбы съ людскими пороками столь же стары и постоянны, какъ и сами эти пороки, но каждый разъ онѣ пріобрѣтаютъ новую силу, новую энергію, когда изъ отвлеченныхъ положеній онѣ становятся крикомъ наболѣвшаго сердца. Старыя истины суть порою и наиболѣе возвышенныя истины.

---

[1]) См. по этому вопросу брошюру „Бродяжество и нищенство и мѣры борьбы съ нимъ“, изд. Я. Канторовича 1892 г., а также „Объ оскудѣніи и нищенствѣ“ (Самообразованіе 1902 г.).

И велика заслуга того, кто съ молодою вѣрою водрузилъ ихъ на своемъ знамени и сдѣлалъ ихъ своимъ идеаломъ. „Безъ идеаловъ—пишетъ Д. А. въ одной изъ статей („Царство Божіе внутри насъ“—психо-соціологическій этюдъ. Вѣстникъ Психологіи т. 2)—и идеально высокихъ, но, конечно, научно обоснованныхъ, отдѣльный человѣкъ и все общество въ духовномъ отношеніи мертвы. Имъ можетъ быть свойственна только безуспѣшная погоня за счастьемъ, но не ясное, полное, длящееся счастье, не внутреннее Царствіе Божіе, котораго, по заповѣди христіанства, мы должны искать больше всего, потому что тогда, и только тогда все прочее приложится намъ, какъ его необходимое слѣдствіе. Таковъ законъ нашего бытія“. Жизнь Д. А. была богатой иллюстраціей этой животворящей силы общественнаго идеализма, и мы можемъ вполнѣ сказать, что вѣра въ свѣтлое будущее уголовной репрессіи и заботы объ обиженныхъ судьбою, которымъ служилъ въ теченіе своей жизни Д. А. Дриль, не забудутся русскимъ обществомъ.

Н. Д. СЕРГѢЕВСКІЙ.

(† 25-го сентября 1908 г.).

Скончавшійся въ ночь на 25-ое сентября заслуженный профессоръ С.-Петербургскаго университета Николай Дмитріевичъ Сергѣевскій занималъ видное мѣсто въ ряду русскихъ криминалистовъ. Въ теченіе почти тридцатилѣтней своей писательской дѣятельности онъ издалъ рядъ трудовъ, посвященныхъ различнымъ вопросамъ уголовнаго права; свыше двадцати лѣтъ онъ занимался преподаваніемъ этого предмета въ С.-Петербургскомъ университетѣ, замѣнивъ по каѳедрѣ своего учителя Н. С. Таганцева.

Н. Д. Сергѣевскій родился въ 1849 г. Онъ происходилъ изъ дворянъ Псковской губерніи и здѣсь провелъ все свое дѣтство. Въ 1861 г. онъ поступилъ въ Псковскую гимназію и въ 1868 г. окончилъ курсъ ея съ золотою медалью. По окончаніи гимназіи, Н. Д. поступилъ на юридическій факультетъ С.-Петербургскаго университета. Въ 1872 г.

онъ былъ оставленъ проф. Таганцевымъ при каѳедрѣ уголовнаго права. Н. Д. рано пришлось заняться преподаваніемъ. Черезъ два года по окончаніи университета онъ былъ назначенъ исправляющимъ должность доцента въ Демидовскій лицей въ Ярославлѣ, гдѣ и оставался до 1882 г., проведя за это время два года въ отпуску за границею въ германскихъ и австрійскихъ университетахъ. Въ 1880 г. Н. Д. Сергѣевскій защитилъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ магистерскую диссертацію „О причинной связи“ и въ томъ же году былъ назначенъ экстраординарнымъ профессоромъ Демидовскаго лицея. Съ сентября 1882 г. Н. Д. Сергѣевскій перевелся въ Петербургъ, гдѣ занялъ мѣсто преподавателя уголовнаго права въ Военно-Юридической академіи и Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Нѣсколько позже въ томъ же году онъ былъ назначенъ приватъ-доцентомъ С.-Петербургскаго университета, въ которомъ читалъ лекціи до своего ухода въ 1901 г. За это время Н. Д. Сергѣевскій постепенно прошелъ степень экстраординарнаго профессора (1884 г.), ординарнаго (1888 г.) и заслуженнаго профессора (1901 г.). Одновременно съ занятіемъ каѳедры Н. Д. Сергѣевскій вступилъ членомъ въ Юридическое общество при С.-Петербургскомъ университетѣ, въ трудахъ котораго принималъ въ теченіе ряда лѣтъ дѣятельное участіе; впослѣдствіи онъ былъ пред-

сѣдателемъ уголовнаго отдѣленія этого общества въ продолженіе пяти лѣтъ. За этотъ періодъ своей дѣятельности Н. Д. Сергѣевскій много писалъ въ юридическихъ журналахъ. Въ 1890 г. онъ предпринялъ изданіе подъ своей редакціей журнала „Юридическая Лѣтопись“ и руководилъ журналомъ до его прекращенія въ 1892 г. Съ возобновленіемъ въ 1894 г. изданія „Журнала Министерства Юстиціи“ онъ былъ приглашенъ на должность редактора, которую занималъ однако лишь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ.

Развивающаяся дѣятельность на административномъ поприщѣ заставила Н. Д. Сергѣевскаго постепенно сокращать дѣятельность преподавательскую. Въ 1894 г. онъ оставилъ преподаваніе въ Военно-Юридической академіи, а годъ спустя и въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ. Въ 1901 г. онъ прекратилъ чтеніе лекцій и въ университетѣ. Лишь въ 1906 г. онъ возобновилъ преподаваніе, на этотъ разъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія.

Административно-служебная карьера Н. Д. Сергѣевскаго началась съ 1894 г., когда онъ принялъ назначеніе членомъ консультаціи учрежденной при министерствѣ юстиціи; въ слѣдующемъ году онъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ государственнаго совѣта по отдѣленію Свода Законовъ. Наконецъ, въ 1906 г., съ обновленіемъ состава членовъ

государственнаго совѣта, онъ вошелъ туда въ качествѣ члена по назначенію.

Научныя воззрѣнія Н. Д. Сергѣевскаго въ области уголовнаго права, въ которой онъ почти исключительно работалъ, если не считать нѣсколькихъ политическихъ памфлетовъ, относящихся къ послѣднимъ годамъ его жизни, опредѣляются двумя основными принципами, красною нитью проходящими по всѣмъ его работамъ: принципомъ *относительности уголовно-правовыхъ нормъ* и принципомъ *государственности ихъ*. Оба эти принципа сложились подъ несомнѣннымъ вліяніемъ двухъ выдающихся германскихъ юристовъ, лекціи которыхъ Н. Д. Сергѣевскій слушалъ во время своего пребыванія за границей,—я разумѣю Іеринга и Биндинга. Взгляды перваго, по которымъ все въ правѣ опредѣляется цѣлью, все право есть продуктъ борьбы господствующихъ въ данный моментъ интересовъ и, слѣдовательно, представляетъ собою практическій компромиссъ, характерный лишь для данныхъ общественныхъ отношеній, нашли себѣ полное отраженіе въ воззрѣніяхъ проф. Сергѣевскаго. Онъ считалъ безполезнымъ и ненаучнымъ подходить къ изученію права съ заранѣе опредѣленнымъ общеобязательнымъ принципомъ. Подобный методъ онъ называлъ метафизическимъ въ отличіе отъ научнаго, положительнаго, котораго

онъ придерживался. Въ своей статьѣ „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“ (Журн. Гр. и Уг. права 1879, кн. 1—2) онъ слѣдующимъ образомъ обрисовываетъ противоположеніе обоихъ методовъ.

„Философія строитъ свои выводы апріори, исходя отъ того или другого вѣчнаго незыблемаго начала и руководствуясь въ дальнѣйшихъ выводахъ исключительно законами логики. Наоборотъ, позитивное направленіе не знаетъ такихъ началъ и отрекается отъ какихъ бы то ни было апріорныхъ построеній; оно идетъ путемъ изслѣдованія реальной дѣйствительности... Въ приложеніи къ юриспруденціи философія выходитъ изъ того основанія или, лучше сказать, предположенія, что разумъ есть коренная основа всякаго права, что этотъ разумъ можетъ творить право изъ самого себя, свободно, чисто отвлеченнымъ образомъ, отрѣшившись отъ всѣхъ реальностей жизни. Созданіе права путемъ законодательства представляется, сообразно этому, вполнѣ самостоятельнымъ актомъ субъективнаго разума и идеаломъ всякаго развитія права. Позитивное направленіе, наоборотъ, признаетъ коренной основой права природу человѣка со всѣми его физическими и психическими свойствами, а разумъ лишь орудіемъ для изслѣдованія законовъ этой природы, а затѣмъ и природы человѣческаго общества въ его прогрессивномъ

развитіи. Законодательство является, такимъ образомъ, уже не самостоятельнымъ творцомъ права, а лишь выразителемъ того, что создано дѣйствительною жизнью всего народа". И далѣе: „Всѣ положенія уголовнаго права суть истина лишь настолько, насколько они соотвѣтствуютъ той ступени развитія человѣка и общества, къ которой они прилагаются—безусловнаго, абсолютно-истиннаго нѣтъ ничего". Далѣе авторъ цитируетъ слова Іеринга о томъ, что каждое правовое положеніе, которое претендуетъ на вѣчное существованіе, уподобляется ребенку, который поднимаетъ руку противъ собственной матери; оно отрекается отъ самой идеи права, такъ какъ идея права есть вѣчное движеніе и все настоящее должно уступить въ свое время дорогу будущему.

Идея государственности правовыхъ нормъ и всего карательнаго права, въ частности, была воспринята Н. Д. Сергѣевскимъ отъ лейпцигскаго профессора Карла Биндинга, который оказалъ сильное дѣйствіе на всѣ теоретическіе взгляды Н. Д. Почти всѣ историческіе труды проф. Сергѣевскаго проникнуты стремленіемъ подчеркнуть постепенное подавленіе государственной властью преступности, показать мощный ростъ государственности и ея значеніе въ исторіи. Это преклоненіе предъ идеей государственности приводило къ тому, что Н. Д. не останавливался даже предъ нѣкоторой иде-

ализаціей суровыхъ формъ юстиціи у насъ въ XVII вѣкѣ. „Идея государственности—пишетъ онъ въ статьѣ „Смертная казнь въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII“ (Журн. Гр. и Уг. права 1884, кн. 9)—пользъ и интересовъ государственныхъ въ тѣсномъ смыслѣ—политическихъ, стратегическихъ и финансовыхъ—наполняла всѣ правительственные идеалы; передъ нею все должно было преклониться, все стушеваться. Счастье или несчастье отдѣльныхъ лицъ не имѣли ровно никакого значенія, какъ только выдвигалась эта великая всепоглощающая формула. Ставить съ нею въ коллизію интересы частныхъ лицъ было или преступно или смѣшно. Сколько бы головъ ни приходилось снять съ плечъ, кому бы ни принадлежали эти головы, онѣ должны были свалиться безъ всякихъ разсужденій, на страхъ другимъ ради истребленія враждебныхъ государству силъ“. Въ казни стрѣльцовъ авторъ видитъ „грандіозное символическое подчиненіе побѣдившей государственной силы“. Идея государственности отражается въ теоріи его о правѣ наказанія, какъ опорѣ государственнаго правопорядка. Она опредѣляетъ и самое понятіе преступнаго дѣянія. „Всякое государство—пишетъ нашъ авторъ въ статьѣ „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“—выдвигаетъ въ своемъ уголовномъ правѣ на первый планъ тѣ преступленія, которыя угрожаютъ его,

такъ сказать, жизненному принципу: теократія облагаетъ смертною казнью оскорбленіе божества и богоотступничество, но относитъ, напримѣръ, нарушеніе границъ къ разряду преступленій маловажныхъ. Государство земледѣльческое, наоборотъ, ставитъ права поземельныя подъ охрану строжайшихъ каръ, а къ преступленіямъ противъ религіи относится весьма снисходительно. Государство торговое преслѣдуетъ, преимущественно предъ всѣми другими, поддѣлку денежныхъ знаковъ и документовъ. Военное государство преслѣдуетъ энергически нарушеніе субординаціи, преступленія по службѣ и пр.; абсолютная монархія преступленія противъ Величества; республика со всею страстностью ополчается на тѣхъ, кто стремится къ монархической власти".

Эти два начала—относительность и государственность правовыхъ положеній—почти постоянно опредѣляютъ взгляды Н. Д. Сергѣевскаго. Въ послѣдующемъ изложеніи мы увидимъ, какъ они отразились на отдѣльныхъ ученіяхъ нашего автора.

По своимъ теоретическимъ взглядамъ Н. Д. Сергѣевскій въ нашей литературѣ причисляется къ непримиримымъ послѣдователямъ такъ называемаго классическаго направленія, признающаго за предметъ, подлежащій изученію въ уголовной наукѣ, однѣ только нормы права, интересныя для юриста съ точки зрѣнія догматической. Дѣйстви-

тельно, большинство написанныхъ имъ работъ принадлежитъ этому направленію и посвящены анализу дѣйствующаго права или конструкціи основныхъ понятій его. Но въ своихъ теоретическихъ взглядахъ Н. Д. Сергѣевскій далеко не высказывается въ пользу узкаго догматизма.

Свою научную позицію въ этомъ вопросѣ проф. Сергѣевскій обрисовываетъ въ двухъ своихъ статьяхъ: „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“ и „Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки“ (Юрид. Вѣст. 1879 г.).

Первая статья посвящена авторомъ отграниченію своей позитивной теоріи отъ теорій, построенныхъ на метафизическихъ принцапахъ, т. е. борьбѣ съ гегельянствомъ и иными абстрактно-абсолютными теоріями уголовнаго права. Авторъ здѣсь приходитъ къ заключенію, что „философское направленіе—это великанъ, принесшій много вреда, но и совершившій много хорошаго. У писателей философскаго направленія, среди самыхъ чудовищныхъ построеній, прорываются нерѣдко въ высшей степени мѣткія мысли“. Самыя отвлеченныя философскія измышленія, если только они не составляютъ пустой діалектики и набора словъ, имѣютъ значеніе; въ нихъ всегда сказывается непосредственное правосознаніе ихъ творца—сила весьма сложная и одинъ изъ могучихъ рычаговъ въ дѣлѣ историческаго движенія человѣческаго общества“.

Но тѣмъ не менѣе задача криминалиста должна заключаться въ позитивномъ изслѣдованіи;—ближайшимъ образомъ въ изученіи дѣйствующаго положительнаго уголовнаго права, т. е. уголовнаго законодательства, затѣмъ обычнаго права, на сколько оно является дѣйствующимъ правомъ, въ двухъ его развѣтвленіяхъ: какъ права народнаго и какъ обычая, вырабатываемаго судебной практикой. Это составляетъ центръ изученія, къ которому присоединяется изученіе прошлаго права и изслѣдованіе de lege ferenda. Для этихъ послѣднихъ цѣлей должны быть привлекаемы національные историческіе источники, матеріалы, добываемые сравнительнымъ методомъ. и изслѣдованіе обычнаго права. Статья „Философскіе пріемы и наука уголовнаго права“ опредѣляетъ такимъ образомъ позитивныя задачи, которыя ставилъ себѣ проф. Сергѣевскій. Здѣсь онъ еще ничего не говоритъ о новыхъ направленіяхъ, тогда еще мало замѣтныхъ.

Отношеніе къ новымъ теченіямъ въ уголовной наукѣ—антропологическому и соціологическому—нашло себѣ выраженіе уже въ другой ранней статьѣ проф. Сергѣевскаго „Преступленіе и наказаніе, какъ предметъ юридической науки“. Статья эта была написана еще въ то время, когда идеи новой школы вербовали первыхъ своихъ послѣдователей; она посвящена критикѣ взглядовъ проф.

Вальберга и М. Духовского, видѣвшихъ въ преступленіи общественную болѣзнь и говорившихъ объ излеченіи ея болѣе раціональными мѣрами, чѣмъ тѣ, которыя представляетъ современная карательная система. Н. Д. Сергѣевскій, разсматривая эти взгляды, считаетъ прежде всего необходимымъ разграничить задачи и методы соціологическаго и юридическаго изученія преступности. Преступленіе можетъ быть разсматриваемо: 1) какъ предметъ юридическаго анализа, какъ абстрактное понятіе, отвлеченное отъ нормы, и 2) какъ соціальное явленіе. Изученіе перваго важно для судей и для лицъ, обязанныхъ примѣнять законъ; а изученіе второго, соціологическое, важно для административной дѣятельности, вырабатывающей начала цѣлесообразности. Юридическое изученіе не должно быть соединяемо съ соціологическимъ, являясь совершенно отъ него отличнымъ. Каждая наука опредѣляется предметомъ, цѣлью и методомъ; и если предметъ изученія въ обоихъ случаяхъ одинаковъ—преступленіе,—то цѣль и методъ различны. Юридическое изученіе имѣетъ своею цѣлью служить руководствомъ судебной практики и законодательнаго творчества; соціологическое же, не преслѣдуя этихъ цѣлей, стремится къ установленію соціальныхъ законовъ развитія; первое, поэтому, опирается на однѣ лишь юридическія нормы, второе—на широкій опытъ, заимствуемый изъ другихъ соціаль-

ныхъ наукъ. Обѣ дисциплины несоединимы и не могутъ войти въ составъ одной системы, одной науки.

Далѣе проф. Сергѣевскій пытается въ общихъ чертахъ указать на содержаніе соціологической науки о преступленіи. Она должна изучать какъ преступленіе, такъ и наказаніе въ ихъ вліяніи на общественную жизнь. Выводы ея могутъ имѣть значеніе не только для уголовнаго права, но и для всей юридической науки въ цѣломъ. Она должна выяснить источники преступленія. По мнѣнію автора, дѣйствительнымъ источникомъ преступности является столкновеніе интересовъ и потребностей частныхъ съ общими. Преступленіе есть не болѣзнь, а явленіе, вызываемое нормальными факторами общественной жизни. Предвосхищая взгляды послѣдующихъ изслѣдователей, Дюргхейма и Голла, проф. Сергѣевскій устанавливаетъ отношеніе между преступностью и прогрессомъ. По его мнѣнію съ прогрессомъ преступность не уменьшается, а только распредѣляется иначе; скорѣе можно сказать даже, что преступность увеличивается; въ этомъ увеличеніи слѣдуетъ видѣть не болѣзнь, а благотворный процессъ. „По содержанію своему—пишетъ онъ—преступленіе есть вредъ, причиняемый обществу, но вредъ этотъ служитъ самымъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ того, что общество живетъ и движется“.

Разсмотрѣнная нами статья показываетъ, что

проф. Сергѣевскій не игнорировалъ задачъ соціологическаго изслѣдованія, но, понимая ихъ шире сторонниковъ компромисса, не считалъ возможнымъ соединять ихъ съ юридическимъ изслѣдованіемъ. Такъ поняли его и иностранные писатели. Статья эта была помѣщена въ нѣмецкомъ переводѣ въ Zeitschrift für die gesammte Strafrechtswissenschaft 1881 г. (Das Verbrechen und die Strafe als Gegenstand der Rechtswissenschaft) и послужила даже поводомъ къ тому, что нѣкоторые авторы (Ферри, Мичелли и др.) зачислили проф. Сергѣевскаго въ число послѣдователей новыхъ теченій, тогда какъ у насъ онъ считался однимъ изъ непримиримыхъ его противниковъ.

Свой взглядъ на самостоятельность соціологической точки зрѣнія онъ воплотилъ и въ своемъ „Русскомъ Уголовномъ Правѣ“, гдѣ заявлялъ по прежнему, что „наука уголовнаго права, въ качествѣ науки юридической въ тѣсномъ смыслѣ, не можетъ дать въ своей системѣ мѣста ни біологическому, ни соціологическому изслѣдованію о преступномъ дѣяніи и наказаніи. Эти послѣднія изслѣдованія, являясь въ высшей степени важными для юридической науки, имѣютъ въ то же время совершенно самостоятельное научное значеніе и, слѣдовательно, могутъ образовать изъ себя самостоятельныя науки: но съ уголовымъ правомъ они никогда не сольются“.

Изъ трудовъ профессора Сергѣевскаго, посвященныхъ отдѣльнымъ научнымъ вопросамъ, безъ сомнѣнія, наибольшимъ научнымъ значеніемъ обладаютъ труды по теоріи и исторіи наказанія. Наказаніе, по мнѣнію нашего автора, является наиболѣе характернымъ отраженіемъ культуры народа.

Онъ считалъ глубоко правильнымъ слѣдующее замѣчаніе Іеринга, которое онъ приводитъ въ одной изъ своихъ работъ (Философскіе пріемы и наука уголовнаго права, стр. 45): „Во всей области права нѣтъ другого понятія, которое могло бы, хотя приблизительно, равняться съ понятіемъ наказанія въ его культурно-историческомъ значеніи; никакое другое понятіе не представляетъ собою лучшаго отраженія народной мысли, чувства и нравовъ современной ему эпохи; никакое другое понятіе не связано такъ тѣсно со всѣми фазами нравственнаго развитія народа, какъ понятіе наказанія, мягкое и гибкое какъ воскъ, на которомъ отпечатывается всякое давленіе. Оно есть центральный узелъ, къ которому сходятся тончайшіе и нѣжнѣйшіе нервы, на которомъ отзывается и дѣлается очевиднымъ всякое ощущеніе. Ликъ права, на которомъ сказывается вся индивидуальность народа, его мысль и чувство, его спокойствіе и страсти, развитіе и грубость, короче, отражается какъ въ зеркалѣ вся его душа—уголовное право,

есть самъ народъ; исторія уголовнаго права есть часть психологіи человѣчества".

Центральный вопросъ о правѣ наказанія и о цѣляхъ его составляетъ содержаніе двухъ статей автора: „О правѣ наказанія" (Юридич. Вѣстникъ 1881 г.) и „Основные вопросы наказанія въ новѣйшей литературѣ" (актовая рѣчь въ С.-Петербургскомъ университетѣ 7-го февраля 1893 г.; см. также Журналъ Гражд. и Уголовн. Права 1893 кн. 4) и затѣмъ подробно разсматривается въ его книгѣ „Уголовное право".

Свою теорію по этому вопросу онъ сводитъ къ слѣдующимъ положеніямъ. Обоснованіе права наказанія слѣдуетъ искать не въ какомъ либо метафизически-абсолютномъ принципѣ, а въ относительномъ значеніи этого права для государства. Каждый человѣкъ совершаетъ различныя воспрещенныя государствомъ дѣйствія съ извѣстнымъ разсчетомъ извлечь выгоду. Государство, призванное къ охраненію общежитія, не можетъ отказаться отъ того, чтобы не реагировать на такія дѣйствія. Оно, поэтому, примѣняетъ къ виновному мѣры, которыя на ряду съ причиненіемъ ему страданій содержатъ въ себѣ необходимо порицаніе. Порицаніе необходимо для правопорядка, оно составляетъ обратную сторону его, въ немъ слѣдуетъ видѣть не нравственное, а правовое послѣдствіе правонарушенія. По существу всѣ правонарушенія на-

казуемы, но такъ какъ примѣненіе наказанія въ столь широкой степени невыгодно для государства, то оно предпочитаетъ не облагать наказаніями нѣкоторыя правонарушенія, считая достаточными для нихъ другія санкціи. Внѣшнія формы, въ которыя облекается этотъ присущій наказанію элементъ порицанія, весьма различны; онѣ зависятъ отъ многочисленныхъ историческихъ фактовъ, которые перечисляются у автора позднѣе въ его учебникѣ, въ главѣ объ исторической измѣнчивости наказанія. Профессоръ Сергѣевскій не претендуетъ на самостоятельность этой своей теоріи о правѣ наказанія, признавая вліяніе на нее со стороны Бара, Шютце и Биндинга. Первому онъ обязанъ мыслью, что всякое наказаніе содержитъ элементъ порицанія, второму—признаніемъ такого порицанія началомъ правовымъ, а не нравственнымъ, какъ полагалъ Баръ, наконецъ, третьему—мыслью, что всѣ правонарушенія въ принципѣ наказуемы.

Во второй статьѣ, посвященной цѣлямъ наказанія, Н. Д. Сергѣевскій стремится освѣтить новыя теченія въ уголовномъ правѣ, какъ попытку указать государству новыя цѣли карательной дѣятельности и замѣнить старыя монистическія теоріи о цѣляхъ наказанія теоріей плюралистической. Новое направленіе, по его мнѣнію, выдвинуло на первый планъ слѣдующія четыре

идеи: 1) устраненіе идущаго отъ Беккаріи гуманнаго отношенія къ преступнику, основаннаго на чувствительности, и замѣну его началомъ суровости съ примѣненіемъ смертной казни, тѣлесныхъ наказаній и пожизненнаго заключенія; 2) установленіе наказанія не по мѣрѣ вины, опредѣляемой съ точки зрѣнія содѣяннаго преступленія, а по мѣрѣ необходимости, опредѣляемой съ точки зрѣнія дѣйствительнаго достиженія спеціальныхъ цѣлей наказанія и, въ частности, цѣли защиты общества отъ преступника путемъ обезвреживанія; 3) ученіе о факторахъ преступности и, въ частности, преувеличеніе роли соціальныхъ факторовъ; 4) ученіе о множественности цѣлей наказанія. Изъ этихъ четырехъ положеній новой школы профессоръ Сергѣевскій считаетъ единственно цѣннымъ послѣднее. Проповѣдь жестокаго отношенія къ преступнику идетъ слишкомъ въ разрѣзъ съ основными требованіями нашего вѣка, чтобы перейти отъ теоріи къ жизни. Второе положеніе, которое часто сводится къ заявленіямъ о томъ, что не преступленіе, а преступникъ должны быть объектомъ кары, пользуется популярностью лишь потому, что послѣдователи его сами отчетливо не представляютъ всѣхъ выводовъ своего утвержденія. Достаточно указать, что результатомъ его является упраздненіе положенія nulla poena sine lege; оно произвольно выдвигаетъ тѣ или иные способы

практической борьбы съ преступникомъ; въ качествѣ практической иллюстраціи можетъ служить хотя бы совершенно неосновательное рекомендованіе для случайныхъ преступниковъ мѣръ устрашенія, а для привычныхъ—мѣръ исправительнаго воздѣйствія. Не обошлись бы такія средства человѣческому общежитію слишкомъ дорого?—замѣчаетъ профессоръ Сергѣевскій.—Въ ученіи о факторахъ преступности новая теорія поддается тому увлеченію, будто бы возможно бороться съ преступностью исключительно мѣрами предупрежденія. Если, какъ утверждаетъ эта теорія, соціальные факторы преступности играютъ преобладающую роль, то измѣненіе условій общественной жизни должно играть роль всемогущаго средства предупрежденія, на самомъ же дѣлѣ всегда останется мѣсто для наказанія, направленнаго къ борьбѣ съ личными условіями преступности. Но насколько спорными представляются первыя три положенія, настолько цѣнно послѣднее. „На почвѣ относительныхъ теорій матеріалъ оказался скоро исчерпаннымъ; всѣ возможныя цѣли наказанія были предложены, каждая выдвигалась по очереди, въ качествѣ исчерпывающей и единственно истинной, и ни одна теорія не устояла. Теорія исправленія, какъ соотвѣтствующая гуманному настроенію XIX вѣка, привлекла къ себѣ наибольшее число послѣдователей; но и противъ нея раздавались возра-

женія столь же вѣскія, какъ и противъ прочихъ. Дальше идти по этому направленію осталось некуда... Въ результатѣ—масса теорій, одна другую отрицающихъ, но очень мало положительнаго матеріала. Высказываются такіе взгляды, которые можно назвать теоріей отчаянія". По мнѣнію профессора Сергѣевскаго: „Задачи наказанія не могутъ исчерпываться какою либо одною спепіальной цѣлью; спеціальныя цѣли наказанія смѣняются въ исторіи и должны смѣняться въ тѣхъ или другихъ комбинаціяхъ, сообразно условіямъ государственнаго быта и этическихъ настроеній, сообразно конкретнымъ потребностямъ даннаго государства и наличнымъ силамъ и средствамъ его. Нѣтъ цѣлей, одинаково пригодныхъ для всѣхъ временъ и народовъ; всякая изъ спеціальныхъ цѣлей наказанія хороша въ свое время и въ своемъ мѣстѣ. Но зато надъ всѣми этими смѣняющимися цѣлями наказанія стоитъ одна общая задача: поддержаніе авторитета велѣній законодателя, достигаемое путемъ неуклоннаго осужденія и порицанія дѣяній, его нарушающихъ (созданіе уваженія къ закону)... Эта общая задача уголовнаго правосудія дѣлаетъ его безусловно необходимымъ элементомъ всякаго правопорядка и даетъ ему тѣмъ самымъ юридическое обоснованіе".

Еще болѣе, чѣмъ теорія наказанія, исторія его составляла предметъ преимущественнаго вниманія

Н. Д. Сергѣевскаго. Какь мы видѣли, даже самая теорія сводилась у него къ установленію исторической измѣнчивости наказанія. Установленіе историческихъ формъ наказанія и нужно признать наиболѣе интереснымъ результатомъ всѣхъ работъ нашего автора. Исторически разсматривая то или иное наказаніе, онъ часто отмѣчалъ необходимость его на извѣстной стадіи и ту государственную пользу, которую оно принесло, не останавливаясь предъ тою оцѣнкою, какою пользовалось это наказаніе у современниковъ. Такъ онъ защищалъ смертную казнь и тѣлесное наказаніе въ московскую эпоху, идеализировалъ ссылку XVI и XVII вѣка.

Но онъ строго отдѣлялъ историческую оцѣнку наказанія отъ политической, примѣнительно къ настоящему времени. Къ чести его слѣдуетъ сказать, что въ самомъ „Уголовномъ Правѣ“ онъ заявляетъ себя противникомъ смертной казни и тѣлесныхъ наказаній. Напримѣръ, вопросъ объ оцѣнкѣ смертной казни онъ заключаетъ слѣдующими словами. „Свое прекрасное изслѣдованіе о смертной казни Гетцель заканчиваетъ такъ: „смертная казнь несправедлива, безчеловѣчна, безнравственна и несовременна“. Мы скажемъ лишь: „несовременна“—этого вполнѣ достаточно, и пожалуй, еще: безчеловѣчна, разумѣя здѣсь подъ понятіемъ человѣчности свойства природы современнаго че-

ловѣка, а не человѣка ветхаго міра“ [1]). Про тѣлесныя наказанія онъ замѣчаетъ: „мы просто скажемъ, что они отжили свой вѣкъ и въ современныхъ государствахъ въ составѣ общей карательной системы безусловно неумѣстны“. Въ оцѣнкѣ современныхъ ему наказаній Н. Д. Сергѣевскій не всегда слѣдовалъ за вѣкомъ. Онъ являлся однимъ изъ энергичныхъ сторонниковъ ссылки для государствъ, имѣющихъ большія незаселенныя пространства; тюремное заключеніе онъ считалъ вообще нецѣлесообразнымъ, выставляя противъ него, въ качествѣ возраженія, его продолжительность по сравненію съ прочими наказаніями, малое исправительное и предупредительное значеніе, крайнюю утрированность прославляемой равномѣрности тюремнаго наказанія, наконецъ, дороговизну его. Въ частности, онъ рѣзко возставалъ противъ одиночнаго тюремнаго заключенія, предпочитая по практическимъ основаніямъ общее заключеніе, какъ меньшее зло съ точки зрѣнія указанныхъ имъ недостатковъ тюрьмы, какъ наказанія. Какъ послѣдовательный сторонникъ чистой государственности, требующей отъ подданныхъ исключительно жертвъ, онъ высказывался противъ новыхъ институтовъ въ уго-

---

[1]) Впрочемъ, въ послѣднемъ изданіи (1907 г.) своего учебника проф. Сергѣевскій отказался отъ взгляда, что смертная казнь „несвоевременна“ и признаетъ сохраненіе ея необходимой въ эпоху слабости государственной власти.

ловномъ правѣ, направленныхъ къ сокращенію наказанія, какъ условное осужденіе, условное освобожденіе и неопредѣленный приговоръ. Такая приверженность къ старымъ формамъ наказанія не мало способствовала признанію его „вѣрнымъ послѣдователемъ классической школы".

Изъ историческихъ работъ проф. Сергѣевскаго наиболѣе значительной является книга „Наказаніе въ русскомъ правѣ XVII вѣка, С.-Пб. 1888 г.", представленная въ качествѣ докторской диссертаціи; вокругъ нея вращаются и остальныя работы, заходящія отчасти въ область XVI, отчасти—XVIII вѣка. Уложеніе царя Алексѣя Михаиловича, разсмотрѣнію котораго посвящена по преимуществу эта работа, возводится Н. Д. Сергѣевскимъ въ образецъ государственной мудрости; онъ стремится отстоять всю суровость тогдашней репрессіи съ точки зрѣнія господствовавшихъ тогда государственныхъ началъ. Уже въ одной изъ раннихъ своихъ статей (Философскіе пріемы и наука уголовнаго права 1879 г.) онъ отмѣчаетъ съ сожалѣніемъ, что мы равнодушно относимся къ законодательнымъ національнымъ памятникамъ и рекомендуетъ сдѣлать обязательнымъ въ университетахъ непосредственное ознакомленіе съ уложеніемъ царя Алексѣя. Это возвеличиваніе „Русской Немезиды" создало Н. Д. Сергѣевскому репутацію сторонника многихъ устарѣлыхъ началъ правосудія,

хотя въ оцѣнкѣ этихъ началъ для настоящаго времени онъ занималъ отрицательную позицію.

Въ своей диссертаціи „Наказаніе въ XVII вѣкѣ“ авторъ проявляетъ себя не только внимательнымъ историкомъ, но и соціологомъ. Онъ начинаетъ ее съ изслѣдованія состоянія общественнаго распада, въ которомъ находилась Московская Русь, и съ изученія того благодѣтельнаго вліянія, которое оказывала крѣпнущая самодержавная власть. Утвердивъ важность государственнаго начала, Н. Д. Сергѣевскій смотритъ, какъ его требованія отразились на уголовной репрессіи, которая, по его взглядамъ, есть ничто иное, какъ обратная сторона государственнаго авторитета. Наказаніе имѣло въ этотъ періодъ прежде всего устрашающую цѣль: „чтобы другимъ не повадно было“, „чтобы другіе на то глядючи, сего не учиняли“ и пр. Оно должно было быть быстрымъ и дешевымъ. Отсюда господство тѣлесныхъ наказаній и смертной казни; это формы, въ цѣляхъ устрашенія, еще сохраняютъ видъ символическаго тальона (напр. отрѣзаніе носа за „куреніе табаку“, подверганіе ложнаго доносителя тому же наказанію, какъ и угрожавшее оклеветанному и пр.). Стремленіе къ установленію неизбѣжности наказанія, въ связи со слабой постановкой розыска, влекло за собою коллективную отвѣтственность, въ видѣ наказанія „лучшихъ людей“, наложеніе наказаній на всю

семью (ссылка и конфискація), что покоилось на крѣпости семейнаго начала, разрушить которое не могло и наказаніе. Въ жестокостяхъ наказаній этого періода проф. Сергѣевскій также видѣлъ необходимую сторону развитія государственнаго начала; сами преступники сознавали себя лишь жертвами и иногда самоотверженно шли на такую жертву (казнь стрѣльцовъ при Петрѣ). Подробно было изслѣдовано авторомъ также фактическое положеніе тюрьмы и ссылки въ московскій періодъ, при чемъ здѣсь ему удалось собрать много любопытныхъ свѣдѣній. Н. Д. Сергѣевскій изслѣдовалъ даже количество нормъ, предписывающихъ тѣ или иныя наказанія; такъ 60 статей Уложенія предписывали смертную казнь, 140 статей—битье кнутомъ, 40 статей—тюремное заключеніе и т. д. Ссылка предписывалась лишь немногими статьями, но которыя могли дать большое количество осужденныхъ (куреніе табаку, взятки по службѣ, корчемство, третья татьба и нѣкоторыя неосторожныя дѣянія).

Почти каждое изъ приведенныхъ наказаній находитъ, по мнѣнію проф. Сергѣевскаго, себѣ жизненное оправданіе съ точки зрѣнія требованій эпохи. Онъ приходитъ къ заключенію, что Уложеніе 1649 г. знаменуетъ собою не эпоху разложенія и не есть гнилостный продуктъ ея, а наоборотъ, эпоху крѣпкаго созиданія Россіи и представлялось необходимымъ къ тому средствомъ.

Къ общему изслѣдованію наказаній въ старой Россіи примыкаетъ рядъ статей автора, посвященныхъ отдѣльнымъ карательнымъ мѣрамъ и ихъ исторіи. Такъ исторіи смертной казни проф. Сергѣевскимъ посвящены 4 статьи: „Лишеніе жизни, какъ уголовное наказаніе“ (Юрид. Вѣстникъ 1879 г.). „Смертная казнь въ Россіи въ XVII вѣкѣ и первой половинѣ XVIII“ (Журн. Гражд. и Угол. Права 1884 г.). „Смертная казнь при Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ“ (тамъ же, 1890 г.). „Проекты уголовнаго уложенія 1754—1766 г.г. Предисловіе. 1882 г.“.

Во всѣхъ этихъ статьяхъ авторъ изслѣдуетъ вопросъ съ чисто-исторической точки зрѣнія; съ такой же точки зрѣнія онъ подходитъ и къ оцѣнкѣ смертной казни въ первой своей, болѣе теоретической статьѣ, которая, слѣдуетъ признать, содержитъ подробно обоснованное отрицаніе этого вида наказанія. Разсматривая отдѣльные взгляды на недопустимость смертной казни, какъ они изложены въ работѣ А. Кистяковскаго, проф. Сергѣевскій приходитъ къ убѣжденію, что ни философски-метафизическая, ни чисто утилитаристическая постановка вопроса не могутъ быть признаны удовлетворительными. Выводы, извлеченные изъ первой, обязательны только для ихъ автора, выводы же второй являются чрезвычайно спорными. Сторонники ея пытаются выяснить дѣйствіе лишенія

жизни, какъ карательной мѣры, на преступность и оцѣнить ее, какъ практическую мѣру; но представляемыя ими данныя о томъ, что примѣненіе смертной казни не сокращаетъ числа преступленій,, далеко не безспорны; выводы, дѣлаемые ими изъ этихъ данныхъ, крайне неточны и шатки и могутъ быть легко оспариваемы. Но если даже признать недѣйствительность смертной казни въ отношеніи сокращенія преступленій, все же изъ этого нельзя сдѣлать заключенія о необходимости ея отмѣны; такую же недѣйствительность можно приписать и другимъ наказаніямъ—тюремному заключенію и другимъ, но отмѣна ихъ тѣмъ не менѣе не рекомендуется. Наконецъ, то обстоятельство, что смертная казнь не удовлетворяетъ всѣмъ свойствамъ доброкачественнаго наказанія (дѣлимость, равенство, пригодность къ достиженію спеціальныхъ цѣлей исправленія и пр.), точно также не есть рѣшительное возраженіе, ибо аналогичные недостатки мы можемъ указать почти у всѣхъ другихъ наказаній. Для правильной оцѣнки этого наказанія мы не должны брать его изолировано отъ другихъ карательныхъ мѣръ, а наоборотъ, оцѣнивать въ связи съ общимъ уровнемъ карательной системы. По мнѣнію проф. Сергѣевскаго, оцѣнка пригодности смертной казни служить въ качествѣ наказанія должна быть поставлена въ зависимость отъ двухъ началъ: господ-

ствующихъ воззрѣній на личность человѣка въ государствѣ и отъ развитости этическаго чувства. Въ современномъ государствѣ выше личности гражданина нѣтъ ничего, а „смертная казнь въ современномъ государствѣ есть нарушеніе его жизненнаго принципа, есть аномалія, а потому она не правомѣрна". Съ другой стороны, смертная казнь сама по себѣ и своимъ исполненіемъ, въ частности, оскорбляетъ нравственное чувство; „между защитой смертной казни и людоѣдства существуетъ лишь относительная, но не принципіальная разница". Мы должны признать, что сохраненіе жизни каждого есть принципъ, имѣющій общеполитическое значеніе; нарушеніе его въ видѣ смертной казни вызываетъ къ жизни и теорію политическихъ убійствъ. Ссылки Бисмарка въ защиту смертной казни на то, что приносятся въ жертву различнымъ интересамъ тысячи жизней на войнѣ, въ рудникахъ, на фабрикахъ и пр., показываютъ лишь, что современное общество не достигло такого моральнаго развитія, когда подобнаго рода явленія будутъ признаны недопустимыми, но впослѣдствіи, несомнѣнно, къ нимъ отнесутся такъ же, какъ и къ смертной казни. Основаній къ отрицанію смертной казни проф. Сергѣевскій ищетъ такимъ образомъ не въ спеціальной сферѣ условій и борьбы съ преступностью, а въ общемъ моральномъ и государственномъ прогрессѣ общества, и нельзя

не признать этотъ взглядъ глубоко правильнымъ.

Историческія статьи о смертной казни имѣютъ своею задачею установить объемъ и формы примѣненія этого наказанія въ прошломъ. Наиболѣе интересными являются моменты примѣненія ея при Петрѣ I и отмѣны при Елизаветѣ Петровнѣ, не говоря, конечно, о примѣненіи ея по уложенію 1649 г., которому посвящена книга о наказаніи въ XVII вѣкѣ. Въ государствѣ XVII и XVIII вѣка была цѣль сдѣлать государство могучимъ и грознымъ; государству приходилось бороться съ преступниками, какъ съ опасной для государства, весьма крупной силой, почти на равныхъ правахъ; старый преступникъ— это богатырь, могучій представитель враждебной государственному порядку силы; только въ настоящее время преступникъ измельчалъ, сдѣлался жалкимъ убогимъ человѣкомъ, котораго можно исправлять, лечить, отдавать на воспитаніе. Въ соотвѣтствіи съ такимъ взглядомъ примѣнялась и смертная казнь. Какъ доказываетъ авторъ, въ большинствѣ случаевъ создавалась у г р о з а смертной казнью, фактически же она приводилась въ исполненіе рѣдко. Если въ наказахъ московскимъ объѣзжимъ пушкарскимъ головамъ конца XVII вѣка облагалось смертной казнью неумышленное причиненіе пожара, хитрость и нерадѣніе, воровство и корысть въ сборахъ таможенныхъ пошлинъ и пи-

тейныхъ денегъ со стороны старостъ и даже предписывалось „быть въ смертной казни и тѣмъ мірскимъ людямъ, которые такихъ учнутъ выбирать"; если за невѣрное показаніе вѣса соли у соляныхъ промысловъ предписывалось „быти казеннымъ смертію",—то ясно, что все это оставалось угрозой, не переходившей въ жизнь. Смертная казнь грозитъ въ эту эпоху обыкновенно за преступленія, наносящія экономическій ущербъ казнѣ. Въ петровское время къ этому основанію присоединяется и другое — ослушаніе категорически выраженной воли царской. Порядокъ смертной казни состоялъ изъ трехъ частей: покаянія и духовнаго напутствія, изъ чтенія приговора или „сказки" и шествія къ мѣсту казни; на изображеніи каждой изъ нихъ подробно останавливается проф. Сергѣевскій. Такъ же подробно онъ разбираетъ формы смертной казни простыя и квалифицированныя, приводя каждой изъ нихъ объясненіе историческаго характера и подробности исполненія.

Изслѣдуя эпоху отмѣны смертной казни при Елизаветѣ Петровнѣ, проф. Сергѣевскій пытается выяснить юридическое значеніе акта отмѣны и историческія условія, при которыхъ она состоялась. Онъ присоединяется ко взгляду Щербатова о томъ, что отмѣна смертной казни произошла „не на основаніи системы человѣколюбія, а по единой набожности", „ибо извѣстно, — поясняетъ Щерба-

товъ,—что идучи на свержение съ престола Іоанна VI, гдѣ крайняя ей опасность представлялась, она, принося свои молитвы Вышнему, обѣщалась, что если возможетъ взойтить на родительскій престолъ, во время царствованія своего не лишитъ никого виновнаго жизни". Проф. Сергѣевскій показываетъ (Предисловіе къ проектамъ 1764—1766 гг.), какъ сенатъ и составители проектовъ уголовнаго уложенія, чуждые этого обѣта и слѣдовавшіе за требованіями жизни, настойчиво проводили въ жизнь смертную казнь. Составители проекта вводятъ смертную казнь за кражу свыше 40 рублей и за всякую третью кражу, за оскорбленіе дѣйствіемъ родителей, ввозъ мѣдныхъ денегъ изъ-за границы, за лжесвидѣтельство и пр. Кромѣ обычныхъ формъ казни—отсѣченія головы и повѣшенія,—проектъ знаетъ: сожженіе, колесованіе, залитіе горла расплавленнымъ металломъ, разорваніе пятью лошадьми, повѣшеніе за ребра. Отношеніе сената къ отмѣнѣ смертной казни характеризуется въ статьѣ, помѣщенной въ Журн. Гражд. и Угол. Права 1890 г. Здѣсь проф. Сергѣевскій указываетъ, что въ то время, какъ императрица желала своей мѣрѣ придать постоянный характеръ, замѣнивъ на все время смертную казнь каторжными работами въ Рогервикѣ и на заводахъ, сенатъ смотрѣлъ на эту замѣну лишь какъ на временную мѣру, не отмѣняющую общей угрозы смертною казнью. Въ 1753 г.

сенатъ, признавъ неудобство докладыванія дѣла о каждомъ осужденномъ къ смертной казни императрицѣ, ходатайствуетъ объ изданіи общаго на сей предметъ указа: „не соизволятъ ли Ваше Императорское Величество высочайшимъ указомъ повелѣть, подлежащихъ къ натуральной смертной казни, чиня жестокое наказаніе кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, поставить на лбу В, а на щекахъ на одной О, а на другой Р, и заклепавъ въ ножныя кандалы, посылать въ вѣчную тяжелую и всегдашнюю работу"; на этотъ докладъ 28 марта послѣдовала Высочайшая резолюція: „быть по сему", но эта резолюція приводится въ исполненіе только черезъ полтора года въ двухъ указахъ отъ 30-го сентября 1754 г. Оба указа искажаютъ смыслъ Высочайшей резолюціи, изображая дѣло такъ, какъ будто ею вводится только клейменіе, рваніе ноздрей и наказаніе кнутомъ, но не для приговоренныхъ, а лишь для тѣхъ, которые остаются въ ожиданіи разсмотрѣнія дѣлъ о нихъ и точнаго о нихъ указа, въ законахъ же остается прежнее положеніе и, въ частности, необходимость примѣненія смертной казни къ осужденнымъ. Этимъ противорѣчіемъ сенатскаго указа и объясняется то обстоятельство, что при Екатеринѣ возобновляются смертныя казни, хотя и не въ такомъ размѣрѣ, какъ прежде. Сенатъ такимъ образомъ дѣлалъ оппозицію императрицѣ. „Но,—говоритъ Сергѣевскій—

взирая на все это событіе безпристрастнымъ окомъ историка, нельзя не сказать, что не одинъ сенатъ погрѣшилъ въ этомъ дѣлѣ: все тогдашнее русское общество или, по крайней мѣрѣ, правящіе его классы были съ сенатомъ одного мнѣнія: считали отмѣну смертной казни неумѣстною и тоже оказывали сопротивленіе по возможности".

Другая работа, посвященная исторіи отдѣльныхъ наказаній—„Рѣчь о ссылкѣ въ древней Россіи", произнесенная на годовомъ собраніи Юридическаго общества 1887 г., стоитъ въ тѣсной связи съ „Наказаніемъ въ XVII вѣкѣ" и составляетъ собственно одинъ изъ этюдовъ этого послѣдняго. Она интересна, какъ попытка освѣтить важное государственное значеніе этого наказанія въ московскую эпоху. „Кромѣ общей задачи уголовнаго правосудія--поддержанія авторитета закона и законнаго порядка въ государствѣ—ссылка, какъ наказаніе, служила для государства русскаго неизсякаемымъ источникомъ, изъ котораго черпались рабочія силы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это было необходимо для службы гражданской и военной, для заселенія и укрѣпленія границъ, для добыванія хлѣбныхъ запасовъ на продовольствіе служилымъ людямъ" и т. д. Авторъ замѣчаетъ дѣленіе ссылки на ссылку въ пашню, въ посадъ или въ дальніе города и на службу на окраины, въ зависимости отъ пригодности ссылаемаго лица. Правительство

преслѣдовало ею больше колонизаціонныя, чѣмъ карательныя цѣли, предписывая только одно: „чтобы однолично всякій ссыльный у того дѣла былъ и въ томъ мѣстѣ жилъ, гдѣ кому и у какого дѣла быть велѣно и бѣжать бы на старину не мыслилъ".

Изслѣдованія проф, Сергѣевскаго, касающіяся исторіи наказанія, отличаются вѣрностью отраженія исторической обстановки, умѣньемъ въ нѣсколькихъ чертахъ схватывать существенныя особенности прошлой жизни, найти надлежащую историческую почву. Въ этомъ отношеніи онъ является скорѣе талантливымъ историкомъ права, чѣмъ криминалистомъ въ строгомъ смыслѣ. Въ качествѣ криминалиста-догматика и теоретика онъ выступаетъ въ своихъ работахъ, посвященныхъ общей и особенной частямъ уголовнаго права. Къ разсмотрѣнію ихъ мы теперь и переходимъ.

Вопросы общей части разработаны проф. Сергѣевскимъ въ изданномъ имъ учебникѣ „Русское уголовное право. Пособіе къ лекціямъ. Часть общая", первое изданіе котораго вышло въ 1889 г., а послѣднее, седьмое въ 1908 г. Достоинствами этого учебника являются ясность изложенія и нѣкоторое упрощеніе сложныхъ контроверзъ, возникшихъ на почвѣ теоретической разработки догматическихъ вопросовъ. Но по содержанію учебникъ нужно признать сильно устарѣвшимъ. Нѣко-

торые отдѣлы (напр. изложеніе теорій о цѣляхъ наказанія, ученіе о неправдѣ) сильно напоминаютъ литографированныя лекціи проф. Баршева; литература уголовнаго права, въ особенности, за послѣднія десятилѣтія, использована крайне слабо; рядъ вопросовъ затронутъ крайне поверхностно, а о взглядахъ и проектахъ новыхъ школъ уголовнаго права говорится только мелькомъ; сравненіе съ иностраннымъ законодательствомъ (кромѣ двухъ-трехъ мѣстъ) отсутствуетъ совершенно. Не смотря на эти недостатки, „Русское Уголовное Право“ до сихъ поръ остается, за отсутствіемъ болѣе подходящихъ, рекомендуемымъ учебникомъ въ большинствѣ университетовъ.

Въ своемъ учебникѣ по отдѣльнымъ вопросамъ проф. Сергѣевскій задается цѣлью изложить, господствующіе въ наукѣ взгляды на предметъ, хотя порою самъ представляетъ противъ нихъ возраженія и заявляетъ свою несолидарность съ ними. Такъ, напримѣръ, онъ возражаетъ противъ господствующей теоріи неосторожности указаніемъ на то, что выраженіе „могъ и долженъ былъ предвидѣть, но не предвидѣлъ“ внутренне противорѣчиво, ибо если человѣкъ не предвидѣлъ послѣдствія, то онъ in concreto и не могъ его предвидѣть; вмѣсто того онъ выставляетъ такую теорію: „въ положительномъ правѣ возникаютъ двѣ группы преступныхъ дѣйствій, имѣющихъ своимъ содер-

жаніемъ опасность вреда: опасныя дѣянія, именно указанныя въ уголовномъ законѣ, и опасныя дѣянія, именно въ законѣ не указанныя, но доказавшія свою опасность своими результатами", эти послѣднія должны быть указаны въ особенной части; здѣсь законодатель, перечисляя преступныя дѣянія, подлежащія наказанію въ качествѣ умышленныхъ, долженъ указать, какія изъ нихъ, воспроизведенныя безъ умысла, обосновываютъ собою тѣмъ не менѣе наказуемость лица, ихъ совершившаго. При этомъ законодатель беретъ лишь такія неумышленныя дѣянія, которыя по даннымъ житейскаго опыта заключали въ себѣ извѣстную вѣроятность наступленія вреднаго послѣдствія. Эта послѣдняя группа дѣяній и есть неосторожныя дѣянія. Установивъ эту точку зрѣнія, авторъ не слѣдуетъ ей однако въ дальнѣйшемъ изложеніи.

По вопросу о соучастіи проф. Сергѣевскій замѣняетъ устанавливавшееся прежде понятіе „общей воли", „общаго соглашенія", „общаго умысла", какъ основы для солидарной отвѣтственности, понятіемъ „знанія каждымъ изъ соучастниковъ о присоединяющейся дѣятельности другихъ соучастниковъ". Вслѣдствіе такого широкаго пониманія связи соучастія, авторъ приходитъ къ убѣжденію въ возможности „неосторожнаго соучастія", когда участники находятся къ послѣдствію въ отношеніяхъ culpa, т. е. не предвидятъ послѣдствія, но

могутъ и должны его предвидѣть. Оцѣнки же этой новой формы соучастія авторъ также не даетъ.

По вопросу о причинной связи проф. Сергѣевскій въ своемъ учебникѣ уже нѣсколько отступаетъ отъ теоріи, высказанной въ магистерской диссертаціи „О значеніи причинной связи въ уголовномъ правѣ, 2 т. Ярославль 1880". Въ этой послѣдней авторъ давалъ слѣдующую конструкцію причинной связи. Въ юридическихъ наукахъ представляется вполнѣ возможнымъ признавать за причину только дѣйствія человѣка, все же остальное подводить подъ общее понятіе необходимыхъ условій и спеціальному разсмотрѣнію не подвергать. Уголовное право интересуется этими причинными человѣческими дѣйствіями и лишь постольку, поскольку явленіе, ими вызываемое, составляетъ предметъ запрещенія въ законѣ. Всякое дѣйствіе, являющееся причиной, является и условіемъ; причинъ главныхъ и второстепенныхъ нѣтъ—всѣ онѣ одинаково необходимы для воспроизведенія явленія; можно только указывать способы дѣйствія и даже признавать наказуемость только тогда, когда были примѣнены опредѣленные способы. При отсутствіи этого указанія закона, всѣ средства, послужившія къ воспроизведенію запрещеннаго явленія, имѣютъ одинаковое значеніе. Дѣйствуя, человѣкъ можетъ или поставлять положительныя условія, вызывая новыя силы или усиливая уже существующія, или уни-

чтожать отрицательныя условія, ослабляя или устраняя силы ему противодѣйствующія. Къ этому общему понятію причиненія въ уголовномъ правѣ присоединяется дополнительное условіе: чтобы послѣдствіе дѣйствія было явленіемъ, не выходящимъ изъ области возможнаго вмѣненія, т. е. совершено было при возможности предвидѣнія послѣдствій. Отсюда причиной въ смыслѣ уголовнаго права должно считаться такое дѣйствіе, которое, во-первыхъ, является причиной въ общемъ смыслѣ для запрещеннаго явленія, а во-вторыхъ, совершилось при возможности предвидѣнія этого явленія, какъ послѣдствія. Подъ возможностью предвидѣнія должно разумѣть практическую возможность для даннаго субъекта ознакомиться съ соотвѣтственной комбинаціей, въ которую входятъ его дѣйствія.

Причинная связь прерывается незнаніемъ и непредусмотрѣніемъ какой либо привступающей силы (т. I, стр. 20—72). Въ учебникѣ же моментъ предвидѣнія послѣдствій при причиненіи, какъ существенный для установленія понятія причинности, пропадаетъ, и причиненіе тамъ разсматривается, какъ созданіе положительныхъ условій или устраненіе отрицательныхъ. Работа проф. Сергѣевскаго о причинной связи, теперь оттѣсненная на второй планъ новѣйшими изслѣдованіями, цѣнна однако до сихъ поръ сводкой слож-

ной старой литературы по этому вопросу, содержащейся во второмъ томѣ.

Систематическаго обзора особенной части проф. Сергѣевскій не издалъ. Сохранилось лишь литографированное изданіе „Конспекта лекцій особенной части, 1884 г.“, изданное М. Куклинымъ, съ разрѣшенія автора. Въ этомъ конспектѣ разработаны лишь преступленія противъ жизни и чести и изъ имущественныхъ деликтовъ—кража. Кромѣ того, въ „Юридической Лѣтописи“, издававшейся проф. Сергѣевскимъ, помѣщены статьи „О мошенничествѣ“ (1890), „О самовольномъ пользованіи по русскому праву“ (1891) и „Объ обидѣ по русскому праву“ (1891). Подъ конецъ своей литературной дѣятельности Н. Д. написалъ еще статью „Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ“. Въ первой изъ этихъ статей интересными являются историческія замѣчанія автора относительно развитія у насъ понятія мошенничества и попытка его намѣтить объемъ этого понятія по казуистичному дѣйствующему праву. Самому деликту проф. Сергѣевскій даетъ слѣдующее опредѣленіе: „мошенничество есть пріобрѣтеніе чужого имущества посредствомъ введенія его хозяина (собственника, владѣльца, держателя) въ такое заблужденіе, подчиняясь которому, онъ какъ бы добровольно передаетъ свое имущество (выдаетъ имущество, уступаетъ право по имуществу, отказывается отъ права,

вступаетъ въ обязательство), считая себя къ тому обязаннымъ, а обманщика имѣющимъ право на полученіе, или почитая таковую передачу для себя выгодную (или вообще представляющею какое либо удобство), въ виду получаемаго эквивалента или, наконецъ, дѣйствуя въ силу личнаго мотива благотворительности подъ вліяніемъ ложно сообщенныхъ свѣдѣній". Къ мошенничеству приравнивается, по мнѣнію автора, и пріобрѣтеніе чужого имущества, уже находящагося въ обладаніи обманщика, посредствомъ обманныхъ дѣйствій, направленныхъ къ введенію хозяина въ такое заблужденіе, подчиняясь которому, онъ считалъ бы себя не имѣющимъ права требовать возвращенія имущества или представленія соотвѣтствующаго эквивалента (стр. 383). Такимъ образомъ для мошенничества проф. Сергѣевскій считалъ характерными три мотива на сторонѣ потерпѣвшаго: представленіе объ обязанности, личный мотивъ выгоды и мотивъ благотворительности. Самый обманъ долженъ быть опредѣленъ широко, но онъ ограничивается извѣстной презумпціей извѣстности нѣкоторыхъ обманныхъ пріемовъ.

Самовольное пользованіе—другой трудный съ точки зрѣнія конструкціи деликтъ—опредѣляется проф. Сергѣевскимъ, какъ „противоправное извлеченіе выгодъ изъ имущества другого лица, въ томъ числѣ употребленіе его на какія либо надобности

или нужды". Авторъ намѣчаетъ 6 формъ самовольнаго пользованія: 1) элементарное удовлетвореніе потребности при помощи чужой движимой вещи безъ уменьшенія цѣны ея, 2) подобное же отношеніе къ недвижимому имуществу, 3) потребленіе незначительной части замѣнимыхъ вещей, 4) пользованіе плодами движимаго имущества, 5) пользованіе плодами недвижимаго имущества и 6) пользованіе выгодами духовной собственности. Эти виды легко могутъ переходить въ другіе деликты (кражу, поврежденіе имущества). Авторъ въ своей статьѣ подвергаетъ подробному анализу дѣйствующее право и выясняетъ правильность его позиціи по отношенію къ отдѣльнымъ видамъ самовольнаго пользованія.

Наконецъ, третья статья проф. Сергѣевскаго, помѣщенная въ „Юридической Лѣтописи" и посвященная вопросамъ особенной части—„Объ обидѣ по русскому праву", подобно предшествующимъ двумъ, представляетъ интересное сочетаніе теоретическихъ построеній съ удачнымъ анализомъ дѣйствующаго права. По мнѣнію автора, обида есть такое обращеніе съ человѣкомъ, посредствомъ котораго совершается сознательное покушеніе на его честь. Честь это особое внутреннее чувство собственнаго достоинства, побуждающее насъ дѣйствовать по правиламъ нравственности и вызывающее въ насъ желаніе слыть за достойныхъ; въ

уголовномъ правѣ понятіе чести относится порою и къ внѣшнему почету, уваженію. Между обидой и опозореніемъ различіе можетъ быть проведено лишь съ точки зрѣнія ихъ соціальнаго характера. Прогрессъ проф. Сергѣевскій видитъ въ постепенномъ суженіи понятія обиды установленіемъ новыхъ деликтовъ. Наше дѣйствующее право придерживается еще старой конструкціи широкаго понятія этого деликта, относя сюда даже побои и угрозы имѣнію ближняго. Въ этой статьѣ авторъ очень удачно отмѣчаетъ тѣ пережитки, которые имѣются въ нашемъ дѣйствующемъ правѣ: градація обиды по сословнымъ и экономическимъ признакамъ обиженнаго, отсутствіе наказаній за оскорбленіе умершихъ, казуистичность разграниченія обиды словомъ и обиды дѣйствіемъ и пр.

Въ послѣдніе годы своей жизни проф. Сергѣевскій помѣстилъ въ Журн. Мин. Юст. (1906) еще одно изслѣдованіе по особенной части—„Къ ученію о преступленіяхъ религіозныхъ“, представляющееся скорѣе историко-теоретическимъ, чѣмъ догматическимъ изслѣдованіемъ. Наиболѣе интересными въ немъ являются историческія справки о наказуемости религіозныхъ преступленій въ древней Россіи, иллюстрирующія подчиненную служебную роль религіи государству. Проф. Сергѣевскій показываетъ, что московское государство любило ставить подъ защиту религіозной санкціи чисто

государственные (даже финансовые) интересы, что объявленіе противными религіи различныхъ обрядовъ и привычекъ (табачнаго зелія, скомороше-ства, опасныхъ святочныхъ игръ, мужеложства и пр.) производилось собственно не въ религіозныхъ, а въ государственно-полицейскихъ интересахъ. Главная мысль этой статьи проф. Сергѣевскаго заключается въ установленіи соотношенія между церковью и государствомъ и проведеніи того принципа, что государство и въ настоящее время должно поддерживать съ помощью уголовнаго закона нѣкоторые религіозные догматы, отдавая предпочтеніе однимъ религіямъ предъ другими. Авторъ возстаетъ противъ конструкціи Фейербаха, приравнивающаго религіозное чувство къ внутреннимъ, личнымъ чувствамъ, считая эту теорію какъ бы частно-правовой, игнорирующей крупное публично-правовое значеніе религіи. Государство не можетъ безразлично относиться къ тѣмъ духовнымъ силамъ, отъ которыхъ зависитъ умственный и духовный обликъ гражданъ и тѣмъ менѣе къ силамъ, которыя оказываютъ вліяніе на нравственный міръ и этическіе идеалы; къ категоріи этихъ культурно-этическихъ силъ принадлежитъ и религія; покровительство культурно-этическимъ силамъ должно происходить не только въ интересахъ частныхъ лицъ, но главнымъ образомъ въ интересахъ общественно-государственныхъ. Прямымъ по-

слѣдствіемъ общественно-государственнаго значенія религіи является тотъ выводъ, что отношенія государства къ религіи не могутъ быть построены на началѣ равенства всѣхъ и всякихъ религій; наоборотъ, культурно-этическое значеніе можетъ имѣть только такая религія, которая находится въ ближайшемъ родствѣ съ общественной этикой и основными началами права и которую можемъ назвать первенствующею религіею. Это общественно-государственное различіе религій должно найти себѣ мѣсто и въ уголовномъ законѣ; такъ только первенствующая религія можетъ претендовать на то, чтобы богохульство, кощунство, нарушеніе порядка и благочинія при богослуженіи получили значеніе дѣяній противообщественныхъ съ соотвѣтственно повышенными размѣрами наказанія; для другихъ религій соотвѣтственныя дѣянія должны остаться простымъ нарушеніемъ духовнаго мира и свободы частныхъ лицъ. Опираясь на религіозныя ученія первенствующей религіи, законодатель можетъ выдвинуть рядъ составовъ и квалификацій, которыя могутъ совершенно отсутствовать въ уложеніяхъ, придерживающихся частно-правовой точки зрѣнія (ограбленіе могилъ, надругательство надъ трупомъ, святотатство). Наконецъ, законодатель можетъ возбранять отправленіе культа отдѣльныхъ религій, публичную проповѣдь, привлеченіе къ недозволенной вѣрѣ путемъ насилія, обмана,

соблазна и пр. Изъ числа религіозныхъ преступленій проф. Сергѣевскій считаетъ устарѣлыми только волшебство и богохульство, разсматриваемое какъ оскорбленіе самого божества. Въ согласіи съ этими взглядами, авторъ даетъ слѣдующую классификацію религіозныхъ преступленій: I. По *содержанію дѣяній:* 1) посягательства на религіозные интересы отдѣльныхъ лицъ и всего общества и государства; 2) отступленіе и отвлеченіе отъ господствующей вѣры, насколько она привлекается государствомъ въ качествѣ политической силы; 3) неподчиненіе догматамъ единой истинной вѣры; 4) квази-религіозныя преступленія, гдѣ религіозный моментъ введенъ искусственно по утилитарнымъ соображеніямъ; 5) воображаемыя религіозныя преступленія, составъ которыхъ образованъ по невѣжеству и суевѣрію; 6) запрещенное закономъ отправленіе культа религій, вредныхъ для государства. II. По *основанію закона* различаются дѣянія, запрещеніе которыхъ вызывается стремленіемъ государства оказать положительное покровительство полезной религіи, и дѣянія, запрещенность которыхъ опредѣляется мотивомъ борьбы съ религіями вредными. III. По *значенію религіознаго момента въ составѣ* различаются чисто религіозныя преступленія и смѣшанныя религіозныя преступленія, гдѣ религіозный интересъ является только квалифицирующимъ признакомъ. Наконецъ,

можно различать религіозныя преступленія IV. *По мѣсту* въ системѣ преступныхъ дѣяній. Не трудно видѣть, въ общемъ итогѣ, что взгляды проф. Сергѣевскаго въ существѣ представляютъ собою попытку оправдать существующія въ нашемъ законодательствѣ постановленія о религіозныхъ преступленіяхъ и дать имъ государственно-политическое обоснованіе. Можно однако сомнѣваться, насколько правиленъ и гармонируетъ съ современною публичною жизнью принципъ использованія религіи для политическихъ цѣлей, на которомъ покоится вся построенная авторомъ система.

Изслѣдованія проф. Сергѣевскаго по особенной части показываютъ, что авторъ являлся крупнымъ догматикомъ, хотя не всегда для своихъ конструкцій онъ избиралъ правильные правно-политическіе принципы.

Наконецъ, въ числѣ работъ проф. Сергѣевскаго мы встрѣчаемъ и статьи, посвященныя уголовному процессу. Правда, эта область уголовной науки мало интересовала его, и по своему содержанію эти статьи не представляютъ особаго интереса, но и онѣ отчасти характеризуютъ научныя воззрѣнія ихъ автора. Обѣ статьи, посвященныя процессуальнымъ вопросамъ — „Шеффенгерихтъ въ русской литературѣ“ (Юрид. Вѣстн. 1879 г.) и „Государственные обвинители въ германскомъ и австрійскомъ процессахъ“ (Журн. Гражд. и Угол. Права

1879 г.) относятся къ раннему періоду писательской дѣятельности нашего автора. Въ первой изъ нихъ проф. Сергѣевскій отстаиваетъ судъ присяжныхъ по сравненію съ судомъ шеффеновъ. Статья эта написана по поводу книги Палаузова „Къ вопросу о формѣ участія народнаго элемента въ уголовной юстиціи", въ которой авторъ ея высказывался за возможность введенія у насъ института, аналогичнаго шеффенскому. Проф. Сергѣевскій возстаетъ противъ „хожденія въ нѣмцы", какъ онъ называетъ эту попытку, и отрицаетъ предлагаемое проф. Палаузовымъ дѣленіе судей на ученыхъ и народныхъ, доказывая, что ученость вовсе не является привилегіей короннаго элемента, а невѣжество—народнаго. Во второй статьѣ авторъ догматически разсматриваетъ постановленія новыхъ тогда кодексовъ—германскаго и австрійскаго—относительно прокуратуры и ея роли въ процессѣ.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить двѣ работы проф. Сергѣевскаго, посвященныя политикѣ права и написанныя по поводу выработки новаго уголовнаго уложенія („Общая часть уголовнаго уложенія по проекту редакціонной комиссіи" и „Современныя задачи уголовнаго законодательства въ Россіи" Журн. Гражд. и Угол. Права 1883 г.). Обѣ посвящены частичной критикѣ проекта.

Мы разсмотрѣли въ общихъ чертахъ литературное наслѣдіе, оставленное покойнымъ проф.

Сергѣевскимъ, и видѣли, что почти всѣ отдѣлы теоріи уголовнаго права были затронуты имъ. Многое изъ написаннаго имъ имѣло чисто временное значеніе; многое въ настоящее время превзойдено позднѣйшимъ развитіемъ уголовнаго законодательства и науки, но остаются и цѣнныя работы, значеніе которыхъ будетъ сохранено и впредь. Я разумѣю преимущественно историческія изслѣдованія проф. Сергѣевскаго. Какъ теоретикъ, онъ отличался ясностью и выразительностью мысли, онъ умѣлъ искусно воплощать ее въ слова, находить яркіе и удачные примѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не указать на отрицательное свойство его теоретическаго мышленія, состоявшее въ чрезмѣрномъ опрощеніи мысли, въ игнорированіи тѣхъ ея модификацій, усвоеніе которыхъ чрезвычайно важно порою для юриста. Излагая чужую теорію, онъ не могъ проникнуться точкой зрѣнія ея автора, а бралъ одинъ только основной ея остовъ, который и подвергалъ критикѣ, не смотря на всѣ оговорки ея автора. Съ другой стороны, при всѣхъ дарованіяхъ проф. Сергѣвскій не обладалъ достаточной эрудиціей въ сферѣ уголовной науки, вслѣдствіе чего его работа была замкнута постоянно въ предѣлахъ русскаго права, не оплодотворяемаго сравненіемъ съ западно-европейскимъ правомъ, и потому точки зрѣнія намѣчались болѣе узко, вырабатываясь обыкновенно чисто историческимъ пу-

темъ. Въ качествѣ же историка проф. Сергѣевскій умѣлъ ярко оживлять изображаемую имъ эпоху и изображать явленія уголовнаго права въ обстановкѣ обще-культурныхъ условій соотвѣтственнаго времени. Историкомъ въ существѣ онъ оставался и въ своихъ теоретическо-политическихъ работахъ, сливая историческія начала, съ правно-политическими идеалами. Къ сожалѣнію, наши историческія начала, въ особенности въ области уголовнаго права, мало могутъ претендовать на культурное значеніе, и потому рекомендуемыя проф. Сергѣевскимъ мѣры разошлись съ культурными требованіями современности. Борецъ за новые принципы уголовнаго правосудія мало найдетъ въ работахъ проф. Сергѣевскаго, но онѣ будутъ интересны для всякаго, кто будетъ искать въ нихъ отраженія русской старины. „Двигаясь впередъ, полезно оглядѣться и назадъ“,—говоритъ проф. Сергѣевскій въ одной изъ своихъ историческихъ работъ, и для такого ретроспективнаго взгляда мы многое найдемъ у покойнаго криминалиста.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

1. Памяти И. Я. Фойницкаго 3

2. Памяти Д. А. Дриля 50

3. Памяти Н. Д. Сергѣевскаго 104

ТОГО-ЖЕ АВТОРА.

1. Конституціонная или административная гарантія. Къ вопросу о безотвѣтственности членовъ Государственной Думы. Спб. 1913. Ц. 1 р.
2. XII Съѣздъ Криминалистовъ въ Копенгагенѣ. Спб. 1914. Ц. 40 к.
3. Процессы о вѣдовствѣ и англійскій судъ присяжныхъ. Спб. 1913. Ц. 60 к.
4. Право амнистіи. Спб. 1907. Ц. 2 р.
5. Очерки уголовнаго суда и наказанія въ современной Англіи. Спб. 1911. Ц. 3 р. 50 к.
6. Стифенъ. Очеркъ доказательственнаго права. Со вступит. статьями. Спб. 1910. Ц. 1 р.-50 к.
7. Свобода личности въ уголовномъ процессѣ. Спб. 1906. Ц. 3 р. 50 к.
8. Преступленія противъ избирательнаго права. Спб. 1906. Ц. 75 к.
9. Возрожденіе мирового суда. Законъ 15 іюня 1912 г. Спб. 1912. Ц. 40 к.
10. Суды для несовершеннолѣтнихъ въ Россіи. 1910. Ц. 40 к.

ЦѢНА 1 РУБЛЬ.

Складъ изданій въ книжн. магазинѣ „*Право*“, Спб. Литейный 28.
Тел. 41—61.